Кошки в мае

Annotation

Кошки — удивительные и загадочные существа, независимые, дружелюбные, гордые. Англичанка Дорин Тови влюбилась в них однажды — и навсегда. Она относится к своим любимцам как к существам мыслящим, имеющим право на личную жизнь и собственное мнение. Тонкий юмор, необыкновенная трогательность и художественные достоинства сближают эту книгу с лучшими произведениями Д.Даррелла и Дж.Хэрриота.

- Дорин Тови
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - Глава четырнадцатая

Дорин Тови
Кошки в мае

Глава первая
А ВЫ ВИДЕЛИ ЕГО ПО ТЕЛЕВИЗОРУ?

Естественно, нельзя было выдумать ничего глупее, чем написать о наших кошках. Чуть имена их появились в воскресных газетах, как они распоясались еще больше.

Прежде, когда прохожие останавливались поговорить с нами через садовую калитку, кошки, как правило, тут же исчезали. Особенно если решали, что разговор пойдет о них.

«Пора поймать ту мышь», — буркала Шеба и решительным шагом удалялась в глубину сада, как только люди выражали намерение поглядеть поближе на сиамскую кошечку с голубыми отметинами. «Гулять Иду», — орал Соломон и поспешно ретировался в лес, едва кто-нибудь ахал, какой он большой, и спрашивал, не кусается ли он. «И Назад Никогда Не Вернусь», — добавлял он, если его непростительно оскорбляли вопросом, не мать ли он Шебы, а это случалось довольно часто — он такой крупный и с темно-коричневыми отметинами, она такая маленькая и серебристая. И когда они уходили, я шла за Соломоном в лес. Обычно он сидел под сосной в тоске, на какую способны только сиамы, размышляя, то ли уйти жить к лисицам, то ли завербоваться в Иностранный легион (сообщал он, вздыхая, когда я перекидывала его через плечо и уносила домой).

Слава все это изменила. Стоило кому-то остановиться поговорить с нами — пусть просто угольщик справлялся, к задней двери ему подъехать

или как, — и в ту же секунду они возникали неведомо откуда.

Шеба проносилась по дорожке в облаке пыли, задыхаясь, тормозила на ограде и застенчиво спрашивала: читали ли это люди про нее? Соломон небрежно огибал угол дома, слегка покачиваясь на длинных ногах, и заверял желающих послушать, что все это он написал собственнолапно.

Откуда что взялось, не понимаю! Кроме тех случаев, когда я запирала дверь перед его носом и он, сидя на ограде и страдальчески глядя на прохожих голубыми глазами, объяснял, что его выгнали из дома, или запирала его в гараже, где он вопил во весь голос, каждое предложение в той книге создавалось под аккомпанемент прыжков Соломона, изображавшего кузнечика-переростка, и его жалоб, что стук машинки действует ему на нервы.

И всякий раз, садясь за машинку, я ощущала себя преступницей. Иногда даже, когда он лежал врастяжку на коврике и отблески огня играли на его глянцевом кремовом пузе, а большая темная голова блаженно покоилась на голубом пузичке Шебы, я тихонько пробиралась наверх в свободную комнату и там отстукивала несколько строчек, лишь бы не потревожить его. Соломон, глухой как пень, пока гулял в лесу, а я металась по дороге, во всю силу легких выводя «толливолливолиии» (единственный зов, на который он откликался, видимо считая верхом сиамского остроумия, что прохожие косились на меня как-то странно и убыстряли шаг), — Соломон, повторяю, звук машинки уловил бы и за милю.

Одна соседка, давно привыкшая к тому, что наши кошки с воплями заглядывают к ней в окна посмотреть, чем она занимается, а то и проходят процессией через ее коттедж от парадной двери до задней, как-то пережила жуткое потрясение, — подняв глаза от

портативной машинки мужа, на которой выстукивала что-то одним пальцем, она увидела, что за окном на подоконнике Соломон прыгает вверх-вниз, вверх-вниз точно бешеный. Она тут же в панике позвонила мне и сообщила, что он полностью свихнулся. (Спрашивать, кто «он», нужды не было: вся деревня ждала этой минуты с момента его рождения.) Я приду за ним или ей вызвать ветеринара?

Она долго отказывалась верить, что он просто таким образом реагирует на стук пишущей машинки. Если так, сказала она, то почему бы ему просто не уйти? Почему он прыгает на Ее подоконнике как цирковая блоха? Вот именно — почему? Типичное для него поведение, и все. Я могла бесшумно прокрасться в свободную комнату или на кухню, а то и с машинкой в руке ускользнуть в сарай — и через одну-две минуты являлся Соломон, глядел на меня с горькой укоризной и всякий раз, когда я ударяла по клавише, взмывал на несколько футов в воздух.

Даже когда я с омерзением закрывала машинку, он продолжал прыгать. Пошевелишь ногой — и он взлетал но вертикали как ракета. Возьмешь в руки каминные щипцы — он, проделав полное сальто и осмотрительно приземлившись на бюро, кричал: кто-то Покушается На Него. Как-то, когда я только что убрала машинку, священник неожиданно окликнул его сзади, когда он пил из цветочной вазы на столике в прихожей, — и бедняга Сол с перепугу чуть не ударился о потолок. Чтобы преодолеть эту идиосинкразию, нам пришлось обзавестись новейшей бесшумной пишмашинкой, а если кто-то упрекнет нас в глупом потакании животным, отвечу, что купили мы ее не ради Соломона, а потому лишь, что и наши с Чарльзом нервы совсем сдали и мы уже прыгали как кузнечики.

К тому времени, когда книга вышла, Соломон забыл про машинку — он, но не мы. Когда нас попросили

привезти кошек в Лондон на званый вечер с сиамскими кошками, мы позеленели и сразу наотрез отказались. «У Соломона шалят нервы, — объяснили мы, — и наши тоже — и очень». — «Тогда привезите Шебу», — предложили нам.

Но и это было невозможно. В чем мы убедились на горьком опыте: когда дружок Шебы укусил ее за хвост и нам спешно пришлось везти ее к ветеринару, Соломон, оставшись в одиночестве-то на полчаса, сразу водворился на подоконник в прихожей, чтобы вся деревня видела, до чего мы с ним не считаемся, и выл так, что чуть крыша не обрушилась.

А потому мы отправились на вечер без них, что и привело к самым роковым последствиям, ибо там мы познакомились с кошками, которые умели себя вести. Обворожительная старая сиамка Сьюки, судя по шрамам, была в свое время порядочной безобразницей, что подтверждалось и рваным ухом, но теперь она сидела в своей корзинке величаво, как сама королева Виктория, и мирно смотрела на происходящее сквозь тонкие прутья.

Два юных гладеньких силпойнта из Челси, Бартоломью и Маргарита, попивали херес и были так похожи на Соломона, что у меня сердце оборвалось при мысли, что он сейчас либо терзает дорожку на лестнице, либо басом профундо извещает всю деревню, какие мы бездушные — уехали, а его бросили. Но самым внушительным был Тиг, который прибыл на вечер прямо из телестудии. Тиг тоже очень походил на Соломона, но (хотя вид у его хозяйки был умученный, а шляпа нахлобучена набок в нормальном стиле сиамовладельцев) излучал невозмутимое спокойствие. Когда она достала его плошку с землей, прося извинения — он ведь был очень занят, а переполнение мочевого пузыря ему вредно, — он посмотрел на нее с брезгливым презрением. «Мочевого пузыря у меня

нет», — сказал он и отошел поздороваться с репортерами и фотографами, словно всю жизнь только и водил такие знакомства. И всякий раз, когда мы смотрели на его хозяйку, лицо у нее становилось все тревожнее, и она по-прежнему следовала за ним с плошкой, но до конца вечера Тиг отказывался воспользоваться этим удобством с самообладанием, сделавшим бы честь самому закаленному общественному деятелю.

Домой я ехала в поезде зеленая от зависти. Все эти кошки светские до мозга костей... Надменный отказ Тига от плошки с землей... И сам Тиг — лощеный, уравновешенный, невозмутимый... и выступает по телевидению... Я с тихой тоской спросила Чарльза, что, по его мнению, произойдет, если нашу парочку когда-нибудь пригласят выступить на голубом экране.

«Наверное, все было бы отлично, — пробормотал Чарльз, блаженно развалившись на сиденье: ему в эту минуту все — включая и сиамских кошек — рисовалось сквозь розовую дымку, подсвеченную шампанским. — Возможно, мы (читай — я) напрасно опасаемся брать их с собой. Наши кошки, — сказал он, ласково поглаживая подголовник вместо голубого задика Шебы и засыпая, — произведут на телевидении настоящий фурор».

Вот почему, когда на другой день позвонили из студии Би-би-си, дескать, они знают про вечер и про книгу, так, может, Соломон и Шеба выступят в вечерней программе, мы, не задумываясь, дали согласие.

Зря, конечно. Я поняла это сразу, едва положила трубку и увидела, что Соломон наблюдает за мной с порога восточным мрачно-подозрительным взглядом. Он всегда смотрел на меня так, когда я говорила по телефону, — вероятно, просто из любопытства, чего это я болтаю сама с собой, а то и из убеждения, что я свихнулась, и стоит подождать, не выкину ли я чего-

нибудь интересного. Тем не менее, когда я увидела, как он сидит там словно злодей китаец из фильма о преступном мире лондонских доков, у меня по телу пробежала нервная дрожь.

Дрожь эта оказалась пророческой. Едва Чарльз, готовый отправиться в путь, вошел с кошачьими корзинками в одну дверь, как Соломон, тут же отказавшись от амплуа восточного злодея, прижал уши и решительным шагом вышел в другую. Когда мы наконец отыскали его, он лежал, прижавшись к полу под кроватью и орал, что никуда не поедет, что сейчас зима, а мы знаем, зимой он никуда пи ногой. Потом сволокли Шебу с гардероба, куда она забралась не из страха, а просто хотела, чтобы Чарльз и за ней погонялся, и к этому времени стало абсолютно ясно, чем обернется наше выступление по телевидению — полнейшим бедламом.

Так и произошло. Всю дорогу Соломон отчаянно грыз прутья своей корзины, точно гигантский термит, Чарльз, поскольку действие шампанского уже кончилось, трагично внушал мне, пока мы мчались в вечерней мгле, что он погибнет, если чертовы кошки выставят его на всеобщее посмешище, и мои нервы окончательно не выдержали — к счастью, я погрузилась в туманное полузабытье. Однако то, что память сохранила об этом вечере, будет преследовать меня до конца моих дней.

Словно тягостный бред. Шествие через фойе — Чарльз несет Шебу, я несу Соломона, а сзади (и, судя по его выражению, *этого* Би-би-си не учла) помощник продюсера несет ящик с землей. Наставления в студии — продюсер деловито указывает, что я должна говорить и где сидеть, а мне становится все жарче и жарче при мысли, что произойдет, когда мы откроем корзинки. Самый кошмар начался, когда мы их открыли и в мгновение ока тихая чинная студия преобразилась в

карусель — Чарльз и продюсер мчатся бешеными кругами за Соломоном, а он несется как призовой скакун и выкликает, что никуда зимой не ездит, мы же знаем. Жуткие интервалы, когда они хватали его, лихорадочно совали в мои объятия и хриплыми от тревоги голосами умоляли хоть на этот раз его удержать во имя всего святого. И леденящая кульминация: когти Соломона абордажными крючьями впиваются мне в спину, Шеба у меня на коленях самодовольно ухмыляется камере, продюсер в контрольном зале возносит вслух молитву, и мы выходим в эфир — и ведущий приветствует нас рекордными по идиотичности словами: если он не ошибается, я привезла в студию моих кошек.

Что происходило дальше, не знаю. Помню только, как Соломон с оглушительным воплем спрыгнул с моей спины и бросился к вентилятору. По-видимому, я сказала что-то о том, как он наловчился открывать холодильник, — во всяком случае, на другой день пришли две старушки посмотреть, как он это делает. Шеба, несомненно, поведала обычную свою душещипательную историю, иначе почему бы мы получили письмо от какой-то женщины с предложением удочерить ее? «Чудной крошкой» назвала она ее, не зная, что в первый, и единственный, раз, когда нам удалось на полсекунды усадить Соломона мне на колени, подлянка исподтишка ущипнула его в области хвоста, и он взвился в воздух как ракета.

Еще смутно помню, как Чарльз вез нас домой, бил себя кулаком по лбу и безнадежно спрашивал, за что, ну за что ему такое? Однако в сознание я более или менее пришла только на следующий день, когда зашел священник справиться о моем здоровье и о том, как чувствует себя Соломон — для него же это, конечно, было тяжким, тяжким испытанием. И тут появился сам Соломон. И не съежившийся, напуганный, дрожащий от

страха, но шагая неторопливо и надменно — походкой Рекса Харрисона, как мы скоро начали ее называть. Приближаясь, он поздоровался со священником басистым воплем. А затем остановился для пущего эффекта и осведомился (глаза его преподобия за стеклами очков округлялись все больше и больше), видел ли он его по телевизору?

Глава вторая
ДАЕШЬ ТРУБЫ!

— Нет, — сказал Чарльз, спуская воду из бачка и уныло выслушивая утробное бульканье, которым тут же ответила раковина, — должна же быть причина, почему на нас все время что-то сваливается.

Я разделяла его чувства. На этой неделе на нас свалилось следующее: Соломона укусил котенок, взорвалась скороварка и — в завершение всего — что-то случилось с канализационными трубами.

Впрочем, непосредственные причины происшествий были достаточно ясны. Соломон был укушен потому, что загнал в угол бродячего котенка величиной с блоху, подверг его легкой пытке — уселся в двух футах от него, чтобы котенок не мог до него дотянуться, и, экспериментируя, тыкал ему в мордочку длинной темной лапой — и пришел к выводу, что куда интереснее засовывать лапу котенку в рот. Дважды он проделал это вполне успешно. Когда я бросилась выручать бедняжку, уши Соломона лихо стояли торчком, свидетельствуя, что в этом занятии он усмотрел огромные потенциальные возможности и готов был храбро их продолжать. В третий раз, когда я была уже совсем близко, котенок зажмурился, собрался с духом и укусил..

Соломон после этого два дня хромал. Собственно, пострадал он мало. Рассмотреть укус можно было только и лупу. Но Соломон любил все использовать до максимума. Если его укусили, значит, он Ранен. А если он ранен, такк пусть все об этом знают! И потому, садясь, он держал пострадавшую лапу на весу и демонстративно дрожал, как осиновый лист. А когда

ходил, то хромал не как обычные нормальные кошки, но передвигался мучительными трехногими прыжками наподобие лягушки — что и послужило непосредственной причиной взрыва скороварки. Эти его скачки и прыжки по всему дому довели меня до того, что утром, положив в скороварку кошачью крольчатину, я забыла налить туда воду. Но у всего есть своя светлая сторона: когда предохранительный клапан вырвало с оглушительным «бу-у-м!», Соломон впервые за несколько дней перестал быть раненым и молнией взлетел на ближайшее дерево.

Непосредственная причина неприятностей с отстойником была, по мнению Сидни, который в свободное время работал у нас в саду и огороде, не менее проста. Мы слишком часто принимали ванны. Легко ему было говорить! Ему не только не грозила опасность злоупотребить ваннами, в чем мы убеждались всякий раз, оказавшись с подветренной стороны от него, но его удобства были подсоединены к главной канализационной трубе. Неофициально, разумеется, а то бы пришлось за это платить. Сидни отгородил угол кухни под великолепную ванную, а соорудив ее, два темных зимних вечера, когда его соседи сидели у телевизоров, копал под каменными плитами, точно форель на майского жука, поднялся к тому месту, где мимо его коттеджа проходила вонючка, как он ее назвал, и подсоединился к ней. При желании он мог бы без малейших помех принимать по десять ванн на дню. Но Сидни был против принятия ванн из принципа — только расслабляют, утверждал он. Ему просто нужна ванная не хуже, чем в муниципальных домах, и все. Мы же, наоборот, и сведя мытье в ванной до голодного минимума (Чарльз утверждал, что даже мысль об этом заставляет его ощущать себя заросшим грязью изгоем), всякий раз, спуская воду, слышали это гнусное бульканье, от которого кошки приходили в

дикий восторг, мчались в ванную и выкрикивали угрозы в отводную трубу. А крышка смотрового колодца угрожающе приподнималась. Когда же дело дошло до того, что стоило нам вылить воду в кухонную раковину, как она затопляла ванну Чарльз сказал, что необходимо принять меры. Обычно Чарльз такой торопливостью не отличается. Например, когда он снял в доме все дверные ручки, чтобы их выкрасить, прошел не один месяц, прежде чем он водворил их на место, хотя людям, чтобы войти, постоянно приходилось прибегать к штопору. «Рим, — заявил Чарльз, — не один день строился (а люди по всему коттеджу сражались с дверями и клялись, что их ноги больше в этом доме не будет), ну и обновление его — особенно покрытие шести ручек черной эмалью — требует времени».

Другое дело — сточные трубы. Когда они закапризничали, до приезда тетушки Этель оставалась одна неделя, и их необходимо было утихомирить, учитывая характер тетушки Этель, старой ведьмы в самом соку, как выразился старик Адамс, наш сосед, в тот день, когда услышал, какой крик она подняла, потому что Соломон оставил свой автограф, грязные отпечатки больших лап, на ее ночной рубашке. Он бы на ней и за десять фунтов не женился. Да, принять меры было необходимо. Но когда мы позвонили водопроводчику, к несчастью, оказалось, что раньше чем через две недели он за это не возьмется, и в результате (о чем я стараюсь не вспоминать, и особенно по ночам, когда думаю о Чарльзе и о кошках, внушая себе, что мне есть, есть чему радоваться!) Чарльз и Сидни взяли это на себя.

На счету Чарльза имеется немало катастроф. Например, как-то раз он навинтил в прихожей новые бра и, экспериментируя с подсоединением к проводке, получал весьма интересные результаты. Сначала стоило нажать на кнопку выключателя, и в гостиной

зажигались все лампы, хотя прихожая оставалась темной; затем, после кое-каких манипуляций, он добился еще более замечательного феномена — при нажатии кнопки в доме перегорели все лампочки, и наконец («Уж если это не поможет, — ликующе заявил Чарльз, появляясь из чулана с большой отверткой в руке, — так и рассчитывать больше не на что!») роскошный финал: он включил рубильник, и в долине погасли все огни.

И тот раз, когда он сложил ограду из камней и, по меньшей мере, четверо стариков, предвкушая пинту пива а «Розе и Короне», заявили, что лучше кладки они не видели с тех пор, как совсем мальцами были, и что сердце радуется, что старое-то ремесло еще не позабыто! Но едва последний из них, ковыляя, скрылся за поворотом, как ограда рухнула и надолго завалила дорогу. Ну, а Сидни... Несколько лет назад рабочие почтового ведомства неделю убирали местные телефонные провода под землю, и едва их зеленый фургончик укатил в город, как Сидни, который тогда работал у соседнего фермера, беззаботно отправился пахать и перерезал плугом кабель пополам. Ну, и можете себе представить, как эта парочка приводила в порядок нашу канализацию.

Во-первых, они сняли крышку со смотрового колодца и прокопали длинную глубокую канаву поперек лужайки в поисках поглотительного колодца. Затем по совету старика Адамса, который случайно заглянул к нам и, хотя сам предпочитает будочку за домом, очень даже хорошо разбирается в подобных вещах, они выкопали длинную глубокую канаву в противоположную сторону и нашли искомое. Затем они перекрыли трубу. После этого, потея, надрываясь и объясняя мне, какая это выматывающая работа, они углубили и расширили поглотительный колодец и заложили его камнями. Жаль, что к тому времени

старик Адамс отправился домой пообедать, не то он мог бы заодно объяснить им, что глупо открывать трубу, не выбравшись предварительно из канавы. Ну и когда я вышла, чтобы позвать их к столу, раздался властный возглас Чарльза, который в воображении, видимо, завершал строительство плотины на какой-то могучей реке: «Пускай!» Кирка Сидни вышибла затычку, и не успели бы вы сосчитать до двух, как оба уже стояли по щиколотку в черной вонючей воде, а Чарльз на мой вопрос, что он затеял, сумел только ответить, что его левый резиновый сапог протекает.

После этого все пошло сикось-накось. Пока мы обедали, Соломон вышел погулять, начал заглядывать под доски, которые они настелили поверх канавы, и немедленно свалился туда. Едва мы его выудили, как Чарльз принялся прочищать трубы шестом (в этом никакой нужды не было, но он сказал, что любит делать все обстоятельно) и уронил плунжер. Чуть только мы выудили плунжер, Сидни испустил придушенный крик: он часами беззаботно кружил возле открытого смотрового колодца, но лишь сейчас удосужился измерить его глубину шестом. Семь футов!!

Сидни почти сразу же ушел домой. Никогда еще, сказал он, ему не встречался колодец глубже четырех футов шести дюймов. Стоит только в него провалиться, твердил он в панике с другого края лужайки, и уж тебя оттуда не вытащат! Бесполезно было втолковывать ему, что отверстие колодца меньше четырех футов, и хотя теоретически в него можно провалиться, практически для этого придется вытянуться по стойке «смирно» и хорошенько прижать руки по швам. Но Сидни был сыт по горло и отправился домой, боязливо оглянувшись на нас через плечо, будто мы только что покусились прикончить его, и оставил нас разделываться с трубами и канавами.

Ну и, пришпориваемые мыслью о том, что скажет тетушка Этель, если ванна, пока она будет лежать в ней, наполнится водой из раковины, где моется посуда, мы принялись разделываться с ними. Интересно заметить, что трубы вели себя идеально, пока канаву не засыпали, а тогда вода опять как сумасшедшая принялась течь не там и не туда, однако до конца недели угомонилась, и все пришло в порядок. Затем— специально, чтобы не давать ему передышки, свирепо заявил Чарльз, и после труб, сиамских кошек, а также упрямых ослов вроде Сидни, и чтобы окончательно свести его в могилу, — вечером накануне приезда тетушки Этель пропала Шеба.

Будь это Соломон, мы бы не удивились. Соломон постоянно шлялся где попало. Нагло заглядывал в чужие окна, зловеще шнырял возле чьих-то курятников — впрочем, если бы только что вылупившийся цыпленок просто посмотрел ему прямо в глаза, он бы мгновенно улепетнул. Как-то раз пара пеших туристов, проходя мимо коттеджа и увидев Шебу на крыше машины, откуда она нежно улыбалась Чарльзу, спросили: «А кот с черной мордой тоже ваш?» Мы ответили утвердительно, и они сказали, что могут сообщить нам, где он сейчас — прячется в высокой траве в двух милях вверх по долине. Насмерть их перепугал, сказали они. Только они устроились перекусить у ручья и Лила повернулась, чтобы бросить банановую кожуру в кусты, как вдруг из купыря вылезла его темная морда. Она до того перепугалась, что облила чаем из термоса все шорты.

— Нельзя такого выпускать, — сказал муж Лилы, нежно вытирая бочкообразное бедро Лилы в бурых пятнах чая. — Такого надо в клетке запирать! — заорал он мне в спину, когда я припустила по дороге.

Практически все, кто знал Соломона, обязательно хоть раз, но говорили что-нибудь в таком роде, но

бежала я не потому. В долине водились лисы, и, хотя я побилась бы об заклад на любую сумму, что Шеба справится с любой встречной лисой, мне с пронзительной ясностью представлялось, как Соломона затаскивают в ближайшую лисью нору, а он продолжает спрашивать, видели ли они его по телевизору. Впрочем, я встретилась с ним за первым же поворотом дороги — он шел по ее середине, величаво изображая Рекса Харрисона, и громко жаловался, что новые знакомые его не подождали. Нет, с ним ничего не случилось. Но всего несколько дней спустя мы оплакивали Шебу в убеждении, что ее сцапала лисица.

Вечер был таким же, как сотни и сотни до него, — я возилась в саду, комары увлеченно кусались, порой свирепые ругательства и звон бьющегося стекла доносились из угла, где Чарльз с инструкцией в одной руке сооружал свой собственный парник. Соломона нашлепали за то что он катался по пионам. Шебу — чтобы не охотилась на бантамских кур старика Адамса. Соломон оглушил осу, но съесть ее не успел — помешали в последнюю секунду. Шеба, всегда выискивающая случай произвести впечатление, растянулась в позе Дианы в ящике с рассадой, поставленном на ограду, и произвела большой эффект на прохожих — и еще больший на Чарльза, когда он обнаружил, что возлежит она на салате, который он собрался посадить. Обычный, нормальный вечер. До той секунды, когда я пошла позвать их ужинать и вместо привычной живой картины — две кошечки в тихой печали сидят на ограде, не зная, нужны ли они нам еще, — увидела одного Соломона. Он весело боксировал с мошкарой. А когда мы спросили его, где Шеба, он ответил, что не знает, но волноваться нам не надо: он, так и быть, съест и ее ужин.

Мы искали ее три часа — и без всякого толка. Сначала неторопливо, каждую минуту ожидая увидеть,

как ее маленькая фигурка покажется на дороге или выбежит из леса. Затем уже с тревогой, вооружившись фонариками, по сараям и в старых амбарах, блуждая по лесу и зовя, зовя, а Соломон, запертый на случай, если ему тоже захочется проделать фокус с исчезновением, завывал на подоконнике в кухне, осыпая нас упреками.

Мы легли в час ночи. Не спать, но ждать рассвета, чтобы продолжить поиски. Это была одна из самых тяжелых ночей в моей жизни. И не только из-за Шебы, чье изуродованное тельце, казалось мне, валяется в лисьей норе. Но и из-за Чарльза, который то объяснял, что задушит проклятую лису собственными руками, когда поймает, то вспоминал таинственную детскую коляску, которую в сумерках катили вверх по склону — чем больше он о ней думает, твердил он, тем все больше убеждается, что Шебу похитили. И из-за урагана, который бушевал у кровати, точно у мыса Горн, потому что все двери и окна в доме были открыты настежь, чтобы мы услышали, если она позовет. И в немалой степени из-за Соломона, который в два часа ночи принялся во весь голос завывать в свободной комнате.

— Бедный малыш! — сказал Чарльз, когда после особенно пронзительного вопля мы решили забрать его к себе, пока он не разбудил всю долину.

— Он тоже без нее места себе не находит, — сказал Чарльз, когда Соломон с обиженным хмыканьем вошел в спальню и подозрительно заглянул под кровать. Естественно, ничего подобного. Соломона просто язвила мысль, что Шеба с нами, а он нет. И, убедившись, что ее нигде не видно, он устроился поуютнее с головой у меня на плече и вскоре захрапел, как свинья. Чуть позже храп сменился непрерывным скрежетом зубовным. Ему снился счастливый сон, как в будущем он каждый вечер будет съедать ужин Шебы, а не только свой. И, лишая нас всякой возможности

услышать ее призывы, Соломон продолжал сладко спать.

Причина всех тревог вернулась в девять утра. Мы с рассвета снова прочесывали лес, звали ее, пока не охрипли, с тревогой оглядывали ручьи и поилки для скота — что, если она плавает там среди ряски, как миниатюрная голубая Офелия? К нам присоединился старик Адамс с лопатой в руках, намереваясь разрыть лисью нору в лесу, дабы мы узнали, не там ли она нашла свой конец. Чарльз наотрез отказывался верить, что мы потеряли ее навсегда, и подробнее разрабатывал теорию, что ее — предположительно связанную и с кляпом во рту, поскольку мы не слышали ни звука — похитили и увезли в той самой детской коляске. Он намеревался тут же позвонить в Скотленд-Ярд. Соломон восседал на скороварке, опасаясь хоть что-нибудь упустить, а его сверхсамодовольный вид яснее слов говорил: «Я-то здесь, верно? А Шеба — дура». Тут раздался стон, исполненный надтреснутым сопрано, и она вошла в кухню.

Мы так и не узнали, где она пропадала. Сама я, глядя на ее грязные лапы и стертые когти, решила, что ее случайно заперли в чьем-то сарае и всю ночь она копала подземный ход, чтобы выбраться наружу. Однако Шеба поддерживала теорию Чарльза. Да, ее похитили, заверяла она нас, скашивая глаза и загадочно ухмыляясь всякий раз, когда мы на нее смотрели. Заперли в зарешеченном погребе и поставили сторожить огромного-преогромного детину. Вылезла в окошко и прошла десять миль до дома, а похитители гнались за ней по пятам. На телевидении за такую историю ухватятся, верно? И она небрежной походкой направилась к своей мисочке посмотреть, что на завтрак. И тут Соломон сделал то, что я с наслаждением сделала бы сама: сшиб ее с ног и укусил в основание хвоста.

Глава третья
ПРИЧИНА ПРИЧИН

Непосредственные причины того, что с нами происходило, были абсолютно ясны. Например, почему нас считали свихнутыми, никаких объяснений не требовало, ибо практически каждый день можно было наблюдать, как мы минимум один раз шествуем по деревне на глазах у почтенной публики: Чарльз, розовый от смущения, поскольку Шеба требовала, чтобы он нес ее в объятиях животом вверх и она бы взирала на него обожающим взглядом, а Соломон болтался у меня за спиной, как куль с углем, и я крепко сжимала его задние лапы. Если, конечно, не наступал сезон охоты на мух. Тогда я все так же держала его за задние лапы, а он у меня за спиной бил передними по воздуху как безумный.

В таких случаях на нас странно поглядывали хорошие знакомые, которым было отлично известно, что мы всего лишь забрали их из дома священника, или Уильямсонов, или еще кого-то, кто на этот раз позвонил, жалуясь на них. А люди, с нами вовсе не знакомые, удивлялись, почему мы до сих пор не в психиатрической больнице.

Старик Адамс, сам владелец сиамки, хорошо понимавший, что это такое (хотя его-то кошка теперь ведет себя примерно, говорил он, пока наши дьявол с дьяволицей не втягивают ее в свои безобразия), как-то пришел в неистовое негодование, когда кто-то в «Розе и Короне» задал именно такой вопрос.

— Сказал, что видел, как ты съехала из леса на заднице с бешеной кошкой на шее.

Вполне вероятно, что говоривший не преувеличивал. Лес рос на крутом склоне, и выбраться из него, изловив Соломона, можно было, только закинув его за плечо и сидя соскользнуть по тропинке. В результате, поскольку в наших местах все женщины до сорока носят джинсы, меня легко было опознать за милю по большому грязному пятну пониже спины.

Старика Адамса возмутил вывод его случайного собеседника — что я помешалась, а также замечание, что все деревенские жители вроде бы не в себе.

— Ну, так я ему сказал! — рявкнул старик Адамс воинственно, нахлобучивая шляпу на глаза, как персонажи, которых он видел по телику, когда им тоже требовалось поставить кого-нибудь на место. — Уж я ему сказал, будьте уверены!

Но, спросила я устало, так как давным-давно успела привыкнуть к правде-матке, которую любил резать старик Адамс, что именно он ему сказал.

Как я и опасалась, старик Адамс для начала сообщил ему, что я не такая свихнутая, какой кажусь, а затем добавил, что в таком разе ему следовало бы побывать тут годика четыре назад. Вот тогда, окончательно огорошил он незнакомца, он бы посмотрел, как я расхаживала по деревне с белкой на голове!

Впрочем, я отвлеклась от темы. Собственно, я хотела сказать, что Чарльз был совершенно прав: за всеми этими непосредственными причинами должна была крыться какая-то общая причина причин, почему неприятности сваливаются на нас одна за другой. И я знала какая.

Иногда я по-человечески была склонна винить в этом одного Чарльза. Например, тот случай, когда в морозную ночь у нас на дороге вдали от ближайшего жилья прихватило тормозные колодки, а инструменты для сохранности он оставил дома и не придумал ничего

лучшего, как лечь под машину с зажженной свечкой (вот свечка в багажнике нашлась) и попытаться разморозить их. Это само по себе было достаточно скверно. Ветер то и дело задувал свечу, и когда многократный победитель международных гонок в двадцатый раз безмолвно высунул ее из-под машины, чтобы я опять зажгла, у меня в глазах помутилось от ярости, и я еле удержалась, чтобы не выскочить наружу и не сплясать на ней чечетку. Однако тягостнее всего было другое: когда в конце концов нас выручил человек с гаечным ключом, высвободивший колодки, и мы для проверки проехали несколько ярдов по дороге, Чарльз решил, что необходимо вернуться и поблагодарить его. Прежде чем я успела вмешаться, он нажал на тормоза — и колодки снова заклинило.

Тут я прижалась лбом к крыше машины и расплакалась. «Если бы я только послушалась бабушку, — рыдала я, а снег тоскливо таял на моих сапожках, а Чарльз нервно поглядывал через плечо и шипел: „Шшшм! Не здесь! Он слушает!“ — Если бы я ее послушалась, так никогда бы не вышла за него».

Естественно, наглая ложь. Моя бабушка души в Чарльзе не чаяла. Будь она тут с нами, так, конечно, лежала бы с ним под машиной, выставив наружу ботинки на пуговках, и помогала бы ему держать свечу.

Помню, как он, когда мы еще не поженились, однажды вечером заехал за мной под проливным дождем с дыркой в крыше автомобиля, закупоренной «Файнэншл тайме», прямо над передним пассажирским сиденьем.

Заехал немыслимо элегантный: в брюках гольф, гетрах с узором из ромбов и белом гоночном шлеме на голове.

Заехал — и сразу затянул потуже веревку, удерживавшую глушитель на месте, и проверил дворники. Просто чтобы пустить пыль в глаза,

поскольку они не работали, еще когда он покупал машину. И протирали ветровое стекло благодаря еще одной веревке, один конец которой был опущен в одно окно, а другой — в другое, а середина обматывала дворники — в дороге мы поочередно тянули за эти концы в ритме гребцов в каноэ.

Заехал. Воплощение Жизни, Полной Риска, — брюки гольф и все прочее. Если бы мой отец увидел Чарльза или его машину, он хлопнулся бы в обморок. Но папа что-то где-то строил, а моей полновластной опекуншей была бабушка. Так она лишь с ностальгической грустью посмотрела на гетры и сказала, что будь она на сорок лет моложе...

Не проехали мы и половину улицы, работая своими концами веревочки, будто пара кембриджских чемпионов, как раздался громовый выхлоп, и «Файнэншл таймс» брякнулся мне на колени в сопровождении галлона воды, скопившейся в промятой крыше. Но и тогда бабушка даже бровью не повела. Когда мы рывками приблизились задним ходом к подъезду, она выбежала с зонтом в руке. Тот факт, что я не схватила его и тут же не огрела Чарльза по шлему, тот факт, что я кротко забрала его в машину, всунула в дыру, а ручку выставила в правое окно («Не то, — сказала бабушка, — вода потечет внутрь машины по зонту прямо на Чарльза») и вновь помчалась по улице, словно всю жизнь разъезжала под зонтами в автомобилях, тот факт, что я уже промокла насквозь, потому что, как не уставал напоминать Чарльз, он обещал старине Йену приехать в семь тридцать, и мы уже опаздываем... все это нисколько не важно, однако доказывает, что даже в расцвете молодости мне следовало бы показаться психиатру.

Важно то, что тут лежит наглядное объяснение причины причин, почему на нас валятся всякие неприятности. Слева от меня бабушка, с которой я со

дня рождения жила на грани катастрофы. Справа от меня Чарльз, с которым я со дня свадьбы продолжаю жить на той же грани.

У них много общего — у бабушки и у Чарльза, в том числе страсть ко всяким приспособлениям, инструментам и приборчикам, либо бесполезным, либо (в руках у них) преподносящим всякие сюрпризы. Естественно, последнее к другим людям не относится. Взять хотя бы электродрель — согласно рекламе такую простую, что с ней может работать и ребенок. Когда Чарльз привез ее домой, он туг же насадил шлифовальное приспособление, чтобы отчистить старинный медный чайник, который я как раз тогда купила в лавке старьевщика. В упоении он не только прошлифовал дыру в дне чайника, но и ярко вызеленил медной пылью ванну и унитаз — ванную для этой работы он выбрал потому, что, по его словам, штепсель там расположен наиболее удобно. А пыль, увы, въелась, и по сей день наш унитаз щеголяет изумрудными пятнами. Когда он насадил мешалку для краски, то мешал краску так долго, что она вся выплеснулась наружу своего рода кольцевыми цунами, и Соломон, околачивавшийся рядом в надежде, что мы готовим что-то съедобное, на долгое время стал единственным силпойнтом с голубыми ушами.

Когда Чарльз воспользовался дрелью без всяких приспособлений, чтобы просверлить пару отверстий под выключатель в прихожей, он с задачей справился. К сожалению, он выбрал выключатель, который (по словам старика Адамса) в самый раз сгодился бы для электростанции в Бэттерси, и привинтил его дюймовыми винтиками. В результате через два дня выключатель остался в чьей-то руке, и следующие полгода, поскольку Чарльз наотрез отказался заменить выключатель на другой, поменьше, а купить винты подлиннее постоянно забывал, эта махина с двумя

толстенными проводами возлежала в прихожей на столике, готовая служить всем, кому требовалось подняться по лестнице.

Как-то вечером тетушка Этель, нащупывая выключатель, упавший за столик, подняла вместо него дохлую мышку (дар Шебы) и сказала, что не способна понять, как я это терплю. Ответ был прост: именно так я жила с бабушкой. Вплоть до приспособлений, которые неизменно что-нибудь выкидывали. Вплоть до краски — бабушка как-то покрасила стулья и наложила второй слой краски, пока первый еще не просох, так что в ближайшие недели гость, неосторожно воспользовавшийся одним из этих стульев, вставал с него под звук чего-то, отрывающегося от чего-то. Даже вплоть до мышей.

У бабушки одно время был кот Макдональд, которого однажды укусила мышь! Хотите верьте, хотите нет, говаривала бабушка, но она своими глазами видела, как мышь мертвой хваткой вцепилась Макдональду в губу, а он отчаянно пытался отодрать ее — лапой прижимал ей хвост, а голову тянул вверх, точно жираф, и бедная мышь растягивалась, будто резиновая. В результате этого случая у Макдональда развился мышиный комплекс. Теперь, поймав мышь, он ее не съедал, а укладывал в ряд с предыдущими своими жертвами на самых видных местах и злорадно их созерцал. В те дни гостям, приглашенным к нам на чай, требовались крепкие желудки: на ковре совсем рядом лежал десяток мышей, а возле гордо восседал кот наподобие художника, рисующего картины на тротуаре. Но бабушка не позволяла отбирать их у него. Это может травмировать его подсознание, утверждала она. Так он возвращает себе чувство собственного достоинства, пострадавшее от мышиного укуса. А если кому-то это не нравится, отвечала она на наши возражения, так их никто не просит смотреть.

Мы бы вскоре остались совсем без знакомых, если бы у бабушки, кроме того, не было трех попугаев и Пикита, сенегалка, не укусила бы Макдональда за лапу, которую он экспериментально засовывал к ней в клетку. Пикита всегда кого-нибудь кусала. Такой дьявольской птицы я больше не встречала, а это немалый комплимент, если учесть, сколько попугаев перебывало у бабушки, — и все они кусались при малейшей возможности. Она была маленькой, с зеленой спинкой, оранжевым брюшком, желтыми ногами и серой змеиной головкой. Глаза у нее были серыми, как два камешка, но когда она злилась, глаза становились ярко-желтыми и то вспыхивали, то угасали, точно маяк.

По этим вспышкам всегда можно было понять, что Пикита намерена атаковать. К сожалению, как правило, предупреждение обычно запаздывало. Нападала она чаще всего, когда ей сыпали корм. С обычной бабушкиной непоследовательностью в то время, как остальные ее попугаи обитали в клетках с кормушками, которые наполнялись снаружи, только в клетке Пикиты кормушка была закреплена внутри. Кроме того — такая уж удачливая птичка она была! — дверца ее клетки не открывалась наружу, а скользила вверх и вниз как подъемная решетка рыцарского замка. Все члены семьи, кроме бабушки, рано или поздно оказывались в западне — чертова дверца падала и защемляла им запястье, пока они насыпали семена в кормушку, и Пикита, чьи глаза вспыхивали и угасали как неоновые вывески, устремлялась вниз и впивалась им в большой палец.

Бабушка была глуха к нашим жалобам на Пикиту, как и на макдональдовских мышей. Раз бедняжка нас кусает, говорила она, значит, мы ее обидели — так нам и надо! Пикита, заключала она категорическим тоном, каким всегда отметала жалобы на своих пернатых и четвероногих любимцев, ни разу ее даже не пыталась

укусить. Как ни поразительно, это была святая правда: бабушка могла проделывать с птицами все, что хотела, — как и с четвероногими. Едва кто-нибудь из нас был укушен, еще пока мы, извиваясь от боли, сосали ранку, бабушка в тревоге бежала успокоить Пикиту — и две секунды спустя жуткая птица уже лежала, раскинув крылья, на спине, а бабушка щекотала ей пухлое брюшко и повторяла, какие мы скверные, раз дразним ее.

Мыши Макдональда и укусы Пикиты тогда сильно осложняли нам жизнь, и всем (кроме бабушки) почудилось, что свершилось Божественное правосудие, когда два наших тяжких креста ликвидировали друг друга.

Как я упомянула, в один чудесный день Пикита тяпнула Макдональда, когда он засунул лапу к ней в клетку, и Макдональд, памятуя рассуждения бабушки о его подсознании и потребности восстановить попранную честь, замыслил хитрое отмщение. До конца дня он сидел под креслом, зализывал лапу и свирепо поглядывал на Пикиту. А ночью, когда мы все уснули, он промаршировал в гостиную, сбросил ее клетку со столика — подъемная дверца, так часто в прошлом обрекавшая нас на муки, в последний раз легко скользнула вверх по желобкам, и Пиките пришел конец. Утром мы увидели перевернутую клетку, семена, рассыпавшиеся по всему полу, и Пикиту — аккуратно положенную на спину в ряд с мышами, изловленными за ночь. Бабушка была неутешна. До самой потери следующего своего попугая, скончавшегося много времени спустя и по иной причине, она не переставала оплакивать Пикиту и повторять, что такого верного, такого любящего попугая у нее никогда не было и не будет. Что до Макдональда, гордо сидевшего там, ожидая от нее поздравлений, так он получил такую трепку (на его толстой черной морде застыло

неописуемое изумление — почему она вдруг так переменилась?), что впредь закаялся ловить мышей. Даже увидев муху, он мялся, смотрел на бабушку, прижимал уши и ускользал под ближайший стул. «Люди, — говорил он, угрюмо глядя на нас, пока мы поглаживали его по ушам и обещали добавочное молоко, когда бабушка отвернется, — люди Омерзительны».

Глава четвертая
БЛОНДЕН

Когда мы с Чарльзом обзавелись белкой, бабушка очень обрадовалась. Сразу видно, как сильно мы любим животных, сказала она. Я пошла в нее, она всегда это говорила. Чарльз... Чарльз всегда был ей симпатичен, и вот он взял миленького лесного сиротку, лелеет его, растит... Это просто доказывает, насколько она всегда права.

На самом деле бабушка, как обычно, была настолько не права, насколько это вообще возможно. Блондена мы взяли не по доброй воле. Да, конечно, животных мы любили. Но белки — как и сиамские кошки в те далекие беззаботные дни — нас отнюдь не привлекали. До тех пор нашим пределом были три кролика голубой королевской породы, при помощи которых Чарльз, вдохновленный книгой, озаглавленной «Как зарабатывать деньги на досуге», как-то возмечтал заняться коммерческим кролиководством. Он будет продавать тушки с гигантской прибылью в мясную лавку, а я (как постоянно напоминал Чарльз, шкурки кроликов великолепны) обзаведусь меховым манто.

Но через полгода, когда у нас уже было двадцать семь кроликов и мы разорялись на картошку и отруби для них, Чарльз заявил, что у него рука не поднимается их забить. Они — его друзья, сказал он. Особенно малыш с белой лапкой. Конечно, ты заметила, спросил он, как этот симпатяга залезает наверх по проволочной сетке, когда открываешь дверцу — почище всякой обезьяны? И с каким смышленым видом сидит на верхнем ярусе клеток, ожидая, что ему почешут уши?

Нет, я не заметила. Времени у меня хватало только на то, чтобы запаривать ведра отрубей и рвать одуванчики под живыми изгородями. Но одно я знала твердо: сама я тоже убивать кроликов не стану, а содержать их нам не по карману, особенно учитывая их склонность размножаться в геометрической прогрессии. В конце концов как-то в субботу друзья Чарльза всем скопом отбыли на тачке вместе с клетками. Мы продали их живыми другому предпринимателю — мальчишке, который поставил нас в известность, что спрос на голубых королевских катастрофически упал, и если полгода назад мы уплатили семь фунтов десять шиллингов за трех, он, так уж и быть, возьмет двадцать семь за тридцать шиллингов — вместе с клетками. Конечно, добавил он, выразительно глядя на Чарльза, если мы хотим продать их живьем.

Ну так вот. Блондена мы взяли не по доброй воле. И он не был миленьким сироткой, как с чувством описала его бабушка. А был он олухом, который в холодный мартовский день выпал из дупла на высоте тридцати футов, — без сомнения, из-за собственного глупого любопытства. Нашли мы его у подножия могучей сосны — дрожащего, голодного, такого юного, что хвост у него был голым и тонким, как у крысы, такого крохотного, что он даже ползать не мог.

Чарльз наотрез отказался карабкаться тридцать футов по стволу, чтобы водворить дурачка в родное дупло (сколько раз он потом, скрежеща зубами, жалел, что не сделал этого!), так что нам пришлось забрать его домой и заботиться о нем, пока он еще не мог жить самостоятельно. Вопреки убеждению моей бабушки, что Чарльз лелеял его и выкармливал, это я обработала его порошком от блох, едва мы вошли в коттедж, и это я ночью вставала каждый час, чтобы поить его теплым молоком из серебряной крестильной ложечки.

А утром, когда мы проснулись и осознали, что кому-то надо кормить его каждый час и днем, это мне было поручено взять его с собой на работу. Когда я указала, что Чарльзу у себя в кабинете было бы легче кормить Блондена, не привлекая к себе внимания, он уставился на меня неверящими глазами. «Где это слыхано, — вопросил он с ужасом, — чтобы мужчина кормил бельчонка в служебном кабинете?» Конечно, я могла бы спросить, где это слыхано, чтобы женщина кормила бельчонка в служебном помещении, но воздержалась — толку все равно не было бы никакого. Когда в девять утра я устало вошла в свой офис, Блонден, завернутый в одеяльце, лежал в продуктовой сумке. К несчастью, молоко оказалось слишком жирным для его малюсенького желудка, и весь день он пролежал в сумке неподвижно, а я через регулярные интервалы вливала ему в глотку смесь коньяка, теплой воды и сахара, каждую минуту ожидая конца. Однако на следующий день Блонден заметно приободрился. На исходе утра где-то возле моих ног словно свистнул паровоз, и когда я вновь почувствовала под собой пол и заглянула под стол, то увидела бурую головку, негодующе глядящую на меня из складок одеяльца. Где, спросил он, угрожающе клацая на меня зубами (какой знакомой стала мне вскоре эта его манера!), где его Коньяк?

После этого кормить его уже не составляло никакого труда. Разведенный коньяк, крекеры, растертые в кашицу с водой и сахаром, — Блонден поглощал эту смесь сидя и крепко вцепившись в ложку обеими лапками. Он наотрез отказался (все наши животные проявляли независимый дух в самом нежном возрасте) принимать пищу из пипетки, которую мы приобрели для него на следующий день.

Едва он начал проявлять жизнедеятельность, слава о нем распространилась с быстротой лесного пожара, и

со всего здания приходили люди посмотреть на него и подержать его ложку. Многие приносили ему орехи и очень огорчались, что он тут же не набрасывался на угощение. Даже визг, оповещавший, что он проголодался, разносившийся далеко по коридору, быстро вошел в обычный распорядок рабочего дня. Настолько, что как-то утром, когда мой начальник, я и весьма важный посетитель обсуждали раннюю историю Виргинии и прозвучал этот сигнал, подпрыгнул на стуле только посетитель — чуть не пробив потолок. А я автоматически кинулась к двери, пока мой начальник огорошил беднягу еще больше, объяснив, что я пошла покормить белку.

Естественно, долго это продолжаться не могло. И кончилось, едва Блонден обрел отличное самочувствие и сообразил, кто он такой. Никто, сказал мой коллега в конце второй недели, судорожно пытаясь извлечь Блондена из рукава своего пиджака, где тот застрял, забравшись туда из любознательности, а теперь вереща во всю мочь, никто не питает большей любви к животным, чем он, но белкам не место резвиться в служебных помещениях. Они мешают регистрации, пожаловалась секретарша, — и действительно, значительная часть нашей почты приобретала странную октагональную форму там, где Блонден пробовал зубы на уголках конвертов. Они проливают чернила, сказал рассыльный, — и действительно, на ковре чернела огромная клякса там, где Блонден в поисках, чего бы попить, наглядно доказал вышеуказанный факт невыводимым способом. Они вредны для его сердца, сказал мой начальник как-то днем, кидаясь к двери, потому что Блонден, который лениво грыз карандаш у меня на столе, вдруг легкомысленно подбежал к ней и уселся там как раз тогда, когда кто-то собирался ее открыть. Не буду ли я так любезна, сказал мой начальник, прислоняясь к дверному косяку и дрожащей

рукой вытирая шею (Блонден весело вскарабкался по его ноге, чтобы принести ему свою благодарность), не буду ли я так любезна забрать мою чертову белку *к себе домой?!*

Бабушка очень рассердилась, когда услышала про это. Она порывалась отправиться к моим коллегам и поучить их уму-разуму, и мне лишь со страшным трудом удалось отговорить ее. Их не ждет ничего хорошего, продолжала она гневно, если они не будут добры к маленьким зверькам! (Насколько я могла судить, меня не ждало ничего хорошего, если я и впредь буду добра к одному зверьку.) Небеса покарают их за это, сказала бабушка, энергично размахивая чайной ложкой. Небеса...

В этот момент рыжий зверек, который деловито точил зубки на декоративном карнизе, увидел чайную ложку, грациозно спланировал и шлепнулся ей на голову. Бабушка, которая ничего подобного не ожидала, чуть не проглотила вилочку для пирога. Следом за этим ее точка зрения изменилась. «Этому дьяволенку, — сказала она, вытирая с подбородка остатки кремовой булочки и глядя на него так, будто он был отродьем самого Сатаны, — нужна клетка, да покрепче».

На некоторое время для его же пользы он действительно был водворен в клетку. Он настолько подрос, что уже мог питаться самостоятельно. Хотя его застольные манеры оставляли желать лучшего. Сначала мы подавали ему его размазню на блюдечке, в которое он незамедлительно прыгал, и шерстка у него на животе намокала. Нам так надоело сушить его живот на грелке, что мы заменили блюдечко чашкой, положенной набок. Он бросался в нее с такой же неистовостью, вертелся, хлюпал и сильно вымазывался, но хотя бы живот у него оставался сухим и хотя бы его не нужно было кормить. А потому мы оставили его дома со

спальной корзинкой, чашкой размазни и питьевой водой — и в первый же день, с каждым часом обретая все больше беличьих повадок, он залез на полку, сгрыз краску с консервной банки и отравился.

Мы его вылечили обильными дозами магнезии. Чарльз, в тот же вечер яростно стуча молотком по упаковочному ящику, который переделывал в клетку, чтобы помешать Блондену и завтра покуситься на самоубийство, сказал, что мы становимся специалистами по белкам. Однако, боюсь, он преувеличил. Во всяком случае, он заявил, что из этой клетки, когда он ее укрепит, и носорогу не вырваться, однако уже в конце недели, вернувшись домой, мы обнаружили, что Блонден прогрыз в уголке дыру, достаточную, чтобы протиснуть сквозь нее свое толстое тельце, и самодовольно поглядывает на нас со шкафа.

После этого в клетку его больше не сажали. К счастью, он извлек урок из случившегося и перестал обгрызать краску, однако с завидной регулярностью попадал то в одну опасную переделку, то в другую. Одно время он воображал, что его хвост равнозначен крыльям, и постоянно прыгал со стульев в пустоту, хлопаясь мордочкой об пол. Затем, видимо решив, что тут поможет высота, он прыгнул с шестифутового шкафа и чуть не разбился. К счастью, мы были дома и сразу его подобрали. Нос-кнопочка был весь в крови, а еще он растянул заднюю лапу и несколько дней хромал, но после нескольких минут отчаянного визга он успокоился, выпил чайную ложку коньяка с водой, делая вид, что терпеть не может эту дрянь, но знает, что она полезная, — и решил остаться в живых.

Его следующая эскапада была по-настоящему эффектной. Привычка ложиться за едой в размазню привела к тому, что шерсть у него на голове слиплась от сахара в твердую шапочку, которая так блестела, что казалось, он спрыгнул с рекламы брильянтина. Мы

несколько раз пытались смыть эту нашлепку, но она не поддавалась. Блонден часами старался расчесать шерсть коготками, и с таким упорством (хотя и тщетно атаковал колтун), что, пожаловался Чарльз, он и сам то и дело машинально запускает пятерню в свою шевелюру. В конце концов терпение Блондена иссякло, и в наше отсутствие он выдрал колтун с корнями. Когда мы вернулись домой, он вылез из корзинки поздороваться с нами чрезвычайно гордый собой и совершенно лысый.

Это было еще до дней Юла Бриннера, и мы страшно его стыдились. Гости постоянно справлялись о нем, и было крайне неприятно показывать им белку, словно траченную молью. Прошло несколько недель, прежде чем шерсть отросла и сморщенная розовая тонзура, смущавшая всех, кроме самого Блондена, наконец исчезла и он вновь стал похож на нормальную белку. Тем временем период мягкой пищи был пройден и он наконец мог приобщиться к орехам. Сначала их приходилось для него колоть, а ему и на мысль не взбредало запасать их на черный день. И все-таки с самого начала ел он их, соблюдая инстинктивный ритуал. Как бы ни был он голоден, он сперва тщательно очищал ядро на три четверти, быстро вращая его в передних лапках, и только потом принимался за еду.

Он всегда держал ядро за неочищенную часть и никогда, ни в коем случае не съедал часть, за которую держал ядро. Когда он настолько повзрослел, что стал сам колоть орехи, то никогда не сбрасывал всю скорлупу целиком, а оставлял кусок, чтобы держать ядро, не прикасаясь к нему. Ломтики хлеба и яблок он ел точно так же и всегда бросал часть, которую сжимал в лапках. Любимым его лакомством были помидоры, — возможно, потому, что первый он сам стащил из миски на кухонном столе. Их он тоже тщательно очищал, прежде чем приступить к еде. Но больше всего Блонден

обожал чай. К этому выводу он пришел внезапно, как-то утром за завтраком, сидя на плече у Чарльза. И, не теряя ни секунды, оттолкнулся от шеи Чарльза и нырнул головой вперед в чашку, которую тот как раз подносил ко рту.

Чай (к счастью, почти остывший) разлетелся брызгами во все стороны — на Чарльза, на скатерть, а Блонден выбрался из чашки как из ванны, вытер мордочку о халат Чарльза, радостно уселся на спинку стула и принялся вылизываться досуха. С того момента при виде заварочного чайника он бросал любое свое занятие, и покой за столом можно было обеспечить, только налив ему полное блюдечко, а уж потом наши чашки. Один раз я забыла, а когда вернулась, наш миленький лесной сиротка, как упорно называла его бабушка, стоял на столе на задних лапках перед чайником и оптимистически всовывал язычок в носик.

К этому времени Блонден превратился во внушительную белку и вполне мог постоять за себя сам. И лишь одно обстоятельство угрожало его жизни на воле, — к несчастью, он оказался не редкой красной белкой, на что намекала его рыжая шерстка, когда мы его нашли, а вырос в великолепную серую и, значит, стал бы мишенью для первого встречного охотника.

Мы не знали, как поступить. Он был таким умилительно ручным, что нам совсем не хотелось расставаться с ним, а тот факт, что на воле он легко мог попасть под выстрел, был достаточным основанием, чтобы оставить его у себя. С другой стороны, казалось бессердечным лишать его жизни, для которой он был рожден. Если его и застрелят, он ведь заранее ничего знать не будет, а прежде поживет вовсю — налазится досыта по гнущимся под ветром деревьям, а может, найдет себе подругу и сам соорудит гнездо в дупле.

Наконец мы решили пойти на компромисс: выпустить его, но не в родном лесу, а возле фермы, где

мы тогда жили, — в надежде, что будем его иногда видеть, а поскольку в округе его все знали, то и рокового выстрела он сможет избегать достаточно долгое время.

И вот в июле, выбрав ясное теплое утро, мы отнесли его в конец сада и осторожно посадили на дерево. Несколько секунд он весело обнюхивался, топорща усы от любопытства, а распушенный хвост так и трепетал от возбуждения. Затем молнией взлетел на верхние ветки, бегал по ним вверх и вниз, пока совсем не запыхался и не улегся на сук передохнуть.

Мы грустно следили за ним, ожидая, когда он переберется за ограду на высокие деревья и навсегда исчезнет из нашей жизни. Но Блонден продолжал резвиться на ветках первого в своей жизни дерева, а потом его напугала ворона, которая пролетела у него над головой, деловито взмахивая крыльями. Тут его с дерева как ветром сдуло. Он промчался через лужайку и притаился за кухонной дверью, прежде чем мы успели сообразить, что произошло. Быть дикой белкой ему не по вкусу, сообщил он нам, стуча зубами, когда мы внесли его в дом и поставили чайник на плиту. Мы ему нравимся... и чай нравится... и сидеть в кармане Чарльза, и спать в гардеробе. И, радостно поглядывая на нас над самым большим грецким орехом, какой нам удалось найти, он возвестил, что останется с нами Навсегда-Навсегда!

Глава пятая
ИСТОРИЯ БЕЛКИ

Блонден — порой мы приписывали это воздействию коньяка — идеальной белкой не был. Он швырял на ковры ореховые скорлупки и помидорные шкурки. Он был упрям и самоволен. Если, например, он прицеливался провести вечерок в кармане у Чарльза, а Чарльз этого не хотел, Блонден неизменно свирепел и угрожал укусить. Вереща от ярости, отчаянно царапаясь коготками, он утихомиривался, только когда уютно устраивался в кармане Чарльза, свесив хвост наружу, — видимо, в качестве чего-то вроде радара.

На мне он облюбовал другое местечко. Особенно он любил, чтобы я надевала свитер. Тогда он устраивался у меня за шиворотом, высунув мордочку из-за ворота. Я стряпала, я убирала дом, я шла открывать дверь, а Блонден весело озирался над краем ворота, придавая мне сходство с двухголовой гидрой. И забирался он туда, как утверждала моя бабушка, вовсе не из любви ко мне, а просто хотел быть в курсе всего происходящего.

Да, Блонден всегда старался быть в курсе всего-всего, Едва научившись лазить, он выбрал себе в спальне полку в гардеробе с носками Чарльза. На их стопке он и спал всю ночь напролет. В уюте, в тепле, в безопасности от врагов — так спокойно, что, проснувшись ночью и прислушавшись, мы различали тихий, но четкий храп, доносившийся со стороны гардероба. Однако едва занималась заря, как Блонден просыпался и входил в курс. Прыгал по кровати, совал нос в ящики, смотрел в окно на птиц, а в заключение усаживался на гардеробе, задорно осеняя голову

хвостом — оттуда он мог сразу заметить, когда мы проснемся.

На этой дозорной вышке замышлялось множество проказ. Он сидел там в то утро, когда Чарльз посмотрел на свои часы и, вместо того чтобы надеть их на руку и начать одеваться, сунул под подушку и снова уснул. В то утро мы проспали и так торопились, что Чарльз забыл про часы. И вспомнил про них только за завтраком, когда мы вдруг заметили, что Блонден не несет обычного дежурства возле чайника, — но было уже поздно. Бросившись наверх, мы обнаружили, что Блонден забрался с часами под кровать и грызет их, чтобы добраться до тикалки.

Он нес дозор и в тот день, когда Чарльз привез от портного свой новый костюм. Со своей вышки Блонден, наклонив голову и изогнув хвост вопросительным знаком, с интересом следил, как Чарльз примеряет костюм. С интересом он следил и за тем, как Чарльз повесил пиджак и брюки на вешалку и убрал в гардероб. Мы заметили, что в этот вечер он отправился спать раньше обычного, но не встревожились. Он, если уставал, часто забирался в гардероб прежде, чем ложились мы. И правда, когда мы поднялись в спальню, он уже крепко спал и из стопки носков доносился тоненький храп, точно жужжание мухи.

Только утром, когда Чарльз сказал, что погода чудная и он, пожалуй, наденет новый костюм, нам стало ясно, почему накануне наш лесной сиротинушка так переутомился. Он не только лишил всех пуговиц новый костюм, что Чарльз обнаружил, когда попытался застегнуть брюки, но, упиваясь успехом, заодно отгрыз пуговицы и с остальных его костюмов.

В этот момент можно было не спрашивать, кому принадлежит Блонден. Он был всецело моим. Нашкодив, он всегда становился всецело моим. Например, когда опрокинул пузырек с чернилами и

прошелся походкой Чаплина по только что выглаженной рубашке, оставив вихляющийся след, он был моим, моим, исключительно моим. Просто чудо, что нас не отправили вместе в зоопарк.

Он был моим и в тот день, когда Чарльз запер гардероб, чтобы оберечь свои костюмы, а Блонден, исполненный такой же решимости забраться внутрь, выгрыз порядочный кусок дверцы. Меня в тот час не было дома, но, когда я вернулась, меня приветствовала моя, моя белочка, негодующе стрекоча на гардеробе. Моя белка, сообщил мне Чарльз, тщетно пытаясь приладить щепки на прежнее место, и если она не желает вести себя прилично, пусть убирается на Все Четыре Стороны.

Обычно же он; естественно, был белкой Чарльза и убрался бы куда-нибудь только через его труп. Суть дела менялась от обстоятельств. Когда он изгрыз не часы Чарльза, а мою сумочку, оставив аккуратную круглую дырку, через которую добрался до авторучки, это не было злокозненной порчей нужной вещи. Чарльз указал, что налицо пример его смышлености: он заметил, куда я спрятала ручку, и из природной любознательности измыслил способ достать ее оттуда.

Да, в смышлености ему никак нельзя было отказать. Хотя подобрали его совсем малышом, когда он еще не мог ничему научиться от других белок, он инстинктивно понял, что лето близится к концу и пора запасать орехи на зиму. Склад он устроил под каминным ковриком и просто сводил нас с ума манерой, едва припрятав орехи и разгладив коврик для камуфляжа, в припадке подозрения вновь их выкапывать и вертеть в лапках, проверяя, все ли они целы и невредимы.

Собственно, последним мы были обязаны Чарльзу, а н*е* инстинкту. Чарльз тоже любил орехи, и однажды Блонден застиг его в тот миг, когда он расколол отличный грецкий орех, который нашел за подушкой

кресла. Неверящими глазами Блонден следил за тем, как Чарльз очистил от скорлупы и съел орех — его собственный орех! — а ему даже кусочка не уделил. Растерянно он обследовал скорлупки, прежде чем убедился, что Чарльз, его друг, оказался способен на такое предательство. Ну и, значит, Чарльз сам был виноват в том, что в какую бы комнату он ни заходил, по пятам за ним следовала белка, которая, бдительно высматривала, не прикоснется ли он к подушке, а стоило ему приблизиться к каминному коврику, она как бешеная патрулировала свой склад, угрожая укусить, если он посмеет хоть чуть-чуть пошевелить ногой.

И еще Блонден знал все, что требуется для того, чтобы соорудить гнездо. В то время у нас был раскладной диван, на который мы иногда укладывали спать какого-нибудь гостя, и Блонден, когда ему хотелось вздремнуть, не трудясь подниматься наверх, часто на час-другой исчезал внутри дивана через личный ход, который устроил для себя в спинке. Потом, заметив в один прекрасный день, что он волочит по полу салфетку и с большим трудом запихивает ее в спинку, мы разложили диван и нашли носок, маленькую отвертку, десяток бумажных носовых платков, которые он стащил из пачки в ящике, и добрые полфунта орехов. Из носка, бумажных платков и салфетки было устроено очень уютное гнездышко, в котором он и сидел (довольно смущенно), когда мы вскрыли его убежище. Орехи, несомненно, были стратегические запасы на случай осады. Отвертка… мы несколько дней тщетно ее разыскивали, и Чарльз сказал, что не может понять, почему Блонден на нее позарился. Я-то понимала — чтобы защищаться, если Чарльз покусится на орехи.

Примерно тогда мы купили коттедж. Не из-за Блондена — мы подыскивали что-нибудь подходящее еще до его появления на свет, но, как сказал Чарльз, вышло очень удачно, что мы нашли коттедж именно в

ту неделю, когда он объел бегонии фермерши. Ее, во всяком случае, это немножко утешило.

Да и мы ощутили облегчение. К этому времени Блонден энергией мог бы потягаться с лошадью, а зубы у него были как электрические дрели.

Ну, теперь, говорили мы, спускаясь с холма к нашему новому дому с Блонденом в птичьей клетке на заднем сиденье, мы будем вести жизнь, о какой давно мечтали. Работать в саду и огороде, приглашать друзей, знакомиться с соседями — постепенно, выборочно...

Боюсь, знакомства состоялись далеко не так постепенно и выборочно, как мы предполагали. В первый же наш вечер там мы устроили для них незабываемый спектакль. Все началось с того, что я решила принять ванну и повернула оба крана одновременно. Как потом сказал Чарльз, кто угодно сделал бы то же, но только у нас в результате заклинило поплавковый клапан в цистерне — и вода из нее хлынула во двор.

Далее, Чарльз, обеспокоенный количеством воды, плещущей во двор, испугался, не случится ли что-нибудь с котлом. Незнакомый дом, сказал он, система, в которой мы не разбираемся... Только Богу известно расположение труб в доме такой старой постройки. Он решил, что благоразумие требует погасить огонь в топке.

И мы занялись этим. Потому-то наш первый вечер в мирной деревенской обители и завершился сценой, достойной «Фауста». Вода Ниагарой низвергалась во двор. Мы с Чарльзом поочередно выходили из задней двери с ведерками раскаленных углей, которые под ветром тут же вспыхивали эффектным пламенем. Кульминационные моменты, когда — без всякой причины, насколько могли судить зрители — мы

подставляли ведра под струю, подпихивая их совком, и угли с шипением угасали в облаках пара.

Естественно, никто не вмешивался. Два-три автомобиля, проезжавшие мимо по дороге, резко притормаживали, но затем уносились дальше в соответствии с кодексом благовоспитанных англичан.

Отдельные замечания доносились до нас лишь от калитки, где благоговейно столпились зрители, возвращавшиеся из «Розы и Короны» и теперь делившие свое внимание между нашим представлением и крупной белкой, которая напряженно следила за происходящим из кухонного окна. Вернее, одно-единственное замечание, произнесенное благоговейным голосом. Голос этот принадлежал старику Адамсу, но мы с ним еще не были знакомы. «Господи Боже ты мой!» — сказал тогда еще неведомый голос.

Водопад в конце концов иссяк, когда мы взобрались на крышу и привели клапан в порядок. Но вот разговоры, конечно, еще долго не иссякали, и тут мы ничего сделать не могли. На ферме нас хотя бы успели узнать до того, как мы обзавелись Блонденом, а когда он появился, всем на деревенский лад тут же стало известно, по какой причине. А здесь знали только, что мы приехали с белкой в птичьей клетке, что вечером того же дня творили на заднем дворе черт-те что и, значит, мы сумасшедшие, это ясно. Нам потребовалось долгое, очень долгое время, чтобы заставить их изменить мнение — если мы вообще это сумели.

Разумеется, одной из причин был сам Блонден. Мы уже так к нему привыкли, что перестали обращать внимание на его выходки — только со всех ног мчались на звук, едва он начинал грызть мебель. А другие люди — даже те, кто слышал о нем, не были такими белкоустойчивыми.

Сидни, когда начал работать у нас, страшно нервничал, явно ожидая, что мы вот-вот затеем военную пляску вокруг ведерка с тлеющими углями, и чуть не хлопнулся в обморок, когда Блонден прошмыгнул через его резиновые сапоги с отверткой в зубах. Женщина, которая зашла к нам за пожертвованием на благотворительные цели и за мирной чашечкой чая поведала, что у нее в саду тоже живет белочка, которая объела всю желтофиоль, тем не менее чуть позеленела, когда нагнулась за своей сумочкой и обнаружила хвост нашей белочки, которая деловито копалась в содержимом.

Даже самый мужественный гость — тот, кто, ужиная у нас, разрешил Блондену примоститься у него на животе (за время службы в колониях он и не к такому приспосабливался!), казалось, несколько расстроился, когда за пояс брюк ему засунули орех и категорически не разрешили извлечь его оттуда. «Сюда Чарльз за ним не доберется», — объяснил Блонден, щурясь на орех и заботливо заталкивая его поглубже. В конце концов мы забрали орех, попросив нашего гостя встать и встряхнуться — Блонден, протестующе вереща, висел у него на животе. Тем не менее вечер был испорчен. И больше мы этого гостя не видели.

Когда после серии подобных происшествий мы как-то вечером вернулись домой и обнаружили, что Блонден исчез, это никого не взволновало.

«Убежал назад в лес», — говорили они, когда мы рассказывали, что он прогрыз дыру внизу кухонной двери и протиснулся наружу. «Больше его не увидите», — вынес приговор лесник, когда мы попросили его, если он заметит во время обхода белку, не стрелять в нее, а прежде проверить, не ручная ли она.

Мы решили, что он прав. Блонден теперь совсем не походил на бельчонка, которого напугала ворона.

Крепкий, сильный, вполне способный защитить себя... Ну и естественно, что он захотел вернуться в лес.

И, по совести говоря, мы не попытались бы помешать ему. Оставалось только убрать его орехи и трогательный недоеденный кусок яблока с каминной полки да пожелать ему всего самого лучшего.

«Странно, правда, как мы зацепились за такую фитюльку», — сказал Чарльз, когда мы вечером смотрели на дождь за окном и думали, как он там. Но еще более странным оказалось то, что и Блонден как будто зацепился за нас. Два дня спустя, когда мы вернулись с работы домой, он ждал нас в кресле, смущенно поглядывая из-под хвоста. Самовольный светло-рыжий комочек меха захотел вернуться к нам, хотя в это время в лесу было полно зрелых орехов и на мили вокруг росло больше деревьев, чем могла бы излазить самая честолюбивая белка.

Может быть, это была привязанность к нам. А может быть, наш искатель приключений просто не выдержал двух ночей в лесу, где вокруг раздавались всякие незнакомые звуки и не было грелки, а главное — чая. Но как бы то пи было, больше он нас не покидал. Два года после этого, куда бы мы ни посмотрели, он — если, конечно, не спал качался на занавесках, грыз мебель, с надеждой заглядывал в носик чайника.

Потом он умер — в холодное дождливое осеннее утро От простуды.

Несколько недель мы оплакивали его, забыв все бесчинства, вспоминая только, как весело мы проводили время вместе. И попытались завести другую белку. Но в зоомагазинах их не было, а в зоопарке, куда мы обратились, нам сказали, что на белок у них запись и очередь очень длинная.

Вот почему, стосковавшись по звону бьющейся посуды, затравленные мышами, которые разыскивали

его запасы орехов, и — как сказал Чарльз — находясь в помрачении ума, мы обзавелись сиамскими кошками.

Глава шестая
ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ СИДНИ

Соломон и Шеба прожили с нами четыре года, и, как выразился Сидни, скучать они нам не давали.

Что относилось и к самому Сидни. Всяческие его неприятности не раз подчиняли себе нашу жизнь, почти как сиамские кошки. Чуть ли не с той минуты, как он начал работать у нас, мы оказывались втянутыми то в одно, то в другое.

Взять для примера тот случай, когда он поехал на мотоцикле без прав и был пойман. Тут мы ничем помочь не могли. Он и сам говорил, что полицейский к нему придрался не зря. Его приятель Рон предложил ему опробовать свою новую машину. Сидни, оглядевшись и нигде не обнаружив Макнаба, полицейского, вскочил в седло и опробовал мотоцикл на подъеме; и тут Макнаб (цитируя Сидни) выскочил из-за телефонной будки, как чертов гоблин. Ну и все тут: два фунта штрафа и лишение прав на год.

Беда заключалась в том — и вот тут на сцену вышли мы, — что Сидни как раз начал ухаживать за девушкой которая жила в десяти милях от нашей деревни. Она была в самый раз, сообщил он нам после первого свидания, и дальнейшее выглядело таким многообещающим, что он решил обзавестись мотоциклом и потому-то взял на пробу мотоцикл Рона. А теперь, вопросил он на другой день после своего появления в суде, в каком он положении? в положении он, строго говоря, был наклонном, поскольку вот уже полчаса опирался на нашу косилку, меланхолично втолковывая нам, что и у нас десятимильная поездочка на велике отобьет охоту нежничать.

Мы помогли ему преодолеть этот маленький кризис, на что он, без сомнения, и рассчитывал: в вечера свиданий отвозили его в Бэкстон в своей машине. Однако наша готовность помогать Сидни имела пределы, и возвращаться домой он должен был собственными силами. И был вечер, когда, увы, он туда даже не попал. Милая старушка, знавшая его с пеленок, сказала, что едет в Бэкстон, ну, и подвезет на этот раз Сидни. А у старой дуры, когда она за ним заехала, на переднем сиденье торчал огромный псина, сообщил Сидни на следующее утро, а ручку задней дверцы заело, и пока он ее дергал, старушка неожиданно сказала: «Ну, устраивайся поудобнее» — и укатила.

Она была глуха, и то, что ответа Сидни не услышала, ее не смутило. А машину вела, приклеившись носом к ветровому стеклу — как чертов Лот, сказал Сидни, от негодования путая библейские персонажи, и заметила, что его с ней нет, только когда остановилась на площади в Бэкстоне. И, по ее словам, насмерть перепугалась, решив, что бедненький Сидни вывалился по дороге. Но ее чувства не шли ни в какие сравнения с терзаниями Сидни, когда он представлял себе, как Мэг ждала на условленном месте, а он не явился, и (в этот момент его излияний косилка въехала в пионы) она вдруг пошла прогуляться с другим парнем.

Но Мэг ни с кем другим не пошла. Сидни обладал куда большим роковым обаянием, чем могло прийти в голову при взгляде на него. Со временем он женился на ней, торжествуя, совершил свадебное путешествие (штрафной год уже истек) на новехоньком мотоцикле и стал отцом близнецов.

Но даже это не пробудило в нем беззаботной веселости. Он все еще переживал по любому поводу. Он страшно переживал, когда священник поймал его за пилкой дров для нас в воскресное утро (Сидни спрятался в сарае, едва завидел его, но вопреки такой

предосторожности священник подошел к двери, чтобы спросить, как поживают близнецы). Как пить дать, проводник на небеса занес его и свою черную книжечку, сказал он, мрачно борясь со своей совестью после этого происшествия. Не помогли и наши заверения, что священник придерживается широких взглядов, что он судит людей по их нравственным устоям и не придерется к тому, что он трудился в день Господень. Сидни знал обязанности духовных пастырей и стал переживать еще больше. Священник такого спускать не должен, объявил он.

Он переживал, когда близнецы не давали ему спать по ночам. Сколько времени, спрашивал он (и глаза у него были круглыми, как у панды), может человек прожить без сна? Он переживал, когда решил, что начинает лысеть. Собственно говоря, соломенная шевелюра Сидни никогда густотой не отличалась, но стоило ему убедить себя, будто она редеет, и его переживаниям конца не было. В тот день, когда он явился, прилизав волосы утром с помощью воды — чтобы посмотреть, какой у него будет вид, у лысого, объяснил он, — нам пришлось дать ему стаканчик хереса для укрепления нервов.

Эпичность данный случай обрел потому, что, к несчастью, все, кто успевал услышать про волосы Сидни, засыпали его советами. «Вишневая настойка!» — рекомендовал один, и на другой день от головы Сидни разило сильнее, чем от всех посетителей «Розы и Короны», взятых вместе. «Керосин!» — рекомендовал другой, знакомый с лудильщиком, который всякий раз, когда имел дело с керосином, вытирал руки о волосы, и они у него были ну прямо как у ребенка. И долгое время мы береглись зажигать спички вблизи от Сидни. «Гусиный жир!» — посоветовал кто-то еще, после чего Шеба объявила, что больше не любит Сидни, а Соломон,

кружа по кухне как миноискатель, сказал, что, по его мнению, у нас здесь полно дохлых мышей.

Потом эта мания была забыта, как и прочие переживания Сидни. Но пока он боролся с облысением, жизнь заметно усложнялась. Затем он ударился в совсем другую крайность. «Мэг хочет меховое манто», — сообщил он. Видела в журнале — девица в манто занимается покупками, ну и подумала, что для поездок в город ей бы такое в самый раз. Сидни, потея от одной мысли о манто, испробовал дипломатическую тактику. Сказал, что в коляске мотоцикла у нее в манто вид будет дурацкий, но она даже глазом не моргнула. Оставлял у нас свою газету в те дни, когда в ней рекламировались меха, а Мэг шла к соседке и брала у нее газету почитать. Что, спросил он, по-нашему, ему теперь делать? И Шеба торопливо удалилась в сад вместе со своим манто — от греха подальше.

На этот раз выход он нашел сам. Мы глазам не поверили, когда в следующий понедельник он лихо скатился с холма на велосипеде, насвистывая, сдвинув кепку на затылок и забросив ноги на руль.

—Купил Мэг манто в субботу, — объявил он, вваливаясь на кухню и ликующе потирая руки.

—Где? — спросили мы хором, не осмеливаясь вообразить, что услышим в ответ.

—На дешевой распродаже, — сказал он, с небрежным видом сделал последнюю затяжку, выбросил сигарету в открытую дверь и взял кружку с какао. — Отхватил, какое поискать, за десять шиллингов.

Переживать приходилось не одному Сидни. Например, старику Адамсу нагорело от супруги из-за промашки с нашими кошками. Миссис Адамс отличалась большой чопорностью. И все должно было быть как у людей, согласно с деревенскими понятиями. Когда приходили гости выпить чаю — салфеточки под

кексами, салфеточки под вазами с цветами, изящные хромированные ложечки для фруктов — к большой досаде старика Адамса, который имел обыкновение спрашивать, что это, черт дери, за штуковина и чем плоха его ложка? Она всегда искала случая улучшать манеры старика Адамса, и потому-то ее так обрадовало появление джентльмена в безупречном охотничьем костюме.

Мы в тот момент опирались на калитку и неторопливо обсуждали с Адамсами перспективы ужина в честь урожая. И когда видение в темно-розовой охотничьей куртке и щегольских белых брюках мелкой рысью приблизилось к нам по дороге и не только остановилось, но и приподняло цилиндр, миссис Адамс чуть не помешалась от гордости. Он спросил о Соломоне и Шебе — читал о них, видел по телевизору... Продолжать не имело смысла: при упоминании их имен Соломон и Шеба возникли будто по мановению волшебной палочки. Ненавязчиво — ведь мы были заняты своим разговором. Просто перешли бок о бок дорогу — чтобы никто не подумал, будто они выставляют себя напоказ, — причем спиной к нам, сосредоточенно задрав хвосты, внимательно изучая что-то под изгородью.

—Соломон и Шеба, — кивнул на них Чарльз, полагая, что нашему новому знакомому, возможно, хочется их увидеть.

—Так-так-так! — произнес тот, с восхищением оглядывая их тылы. — Соломон и Шеба! Милые парнишки собственной персоной!

Дернуло же его назвать их парнишками. Старик Адамс, деревенский житель с семидесятилетним стажем, был потрясен таким невежеством охотника.

—Ты что — их с заду различить не можешь? — спросил он.

«Как, — вопросил старик Адамс, когда охотник уехал, а миссис Адамс в чопорном негодовании удалилась по дороге в другую сторону, — как ему теперь с хозяйкой помириться?» Я не знала. Мне хватало своих неприятностей: Чарльз снова занялся ручным трудом.

Вдохновленный статьей в журнале типа «Сделай сам», он начал ремонтировать кухню. А когда отремонтировал ее наполовину, вдохновился другой статьей и начал мостить двор, а мне оставив три розовые стены, одну грязно-кремовую и пять дверец от стенных шкафов, которые он снял, чтобы покрасить, и прислонил к стене, чтобы кошки могли поиграть в лабиринт.

Даже это было не так уж скверно — двором давно следовало заняться, а Сидни обещал помочь ему, и вдвоем, если повезет, они могли бы управиться за месяц. Но, к несчастью, Чарльз решил, что делать — так уж делать, и без дренажной системы никак не обойтись. Самой простой U-образной системы, сказал он: водосточные трубы укладываются под землей от углов коттеджа и сходятся в поглотительном колодце у задней калитки. И вот тут-то Сидни подал в отставку. Дворы — это ладно, буркнул он, но ему бы хотелось дотянуть до пенсии, и о близнецах позаботиться надо. Никаких поглотительных колодцев он для нас копать не станет.

Ну и Чарльз бесстрашно взялся за дело один. И отлично со всем справлялся. Две почти профессионально выкопанные канавы сходились к центру и засыпались по мере того, как он мостил двор, так ровно и гладко, как мог обеспечить спиртовой уровень. И работа продвигалась прямо у нас на глазах. Он уже миновал бочку под водосточной трубой, как вдруг его ошеломила мысль, что приближается время сажать деревья, а участок под плодовые саженцы,

которые он заказал в веселые беззаботные летние деньки, еще не подготовлен.

— Потрачу часок на это, а потом начну копать ямы, — объявил он как-то утром, напрактикованным движением взмахивая киркой. И слово свое сдержал. Часок спустя оставив за собой еще четыре фута канавы с уложенной трубой, но не засыпав ее, поскольку отведенное на это время истекло, Чарльз отправился копать ямы под саженцы на склоне холма. К несчастью, земля там довольно-таки каменистая, и отыскать слой почвы, достаточный для плодового дерева, не так-то просто. Неделю спустя, когда пришла открытка с сообщением, что саженцы готовы, и спрашивали, какого числа их доставить, Чарльз все еще лихорадочно копал на фоне неба.

Кухня осталась незавершенной. Как-то вечером, когда мы ждали гостей, он выбрал время навесить дверцы на шкафы. Но, к сожалению, не завинтил винты в петлях — какой смысл, сказал он, когда дверцы придется снова снимать для покраски? — а просто воткнул их в отверстия. Занимая гостей, я забыла про это обстоятельство и, исполненная радушия, полезла в шкаф за кофейными чашками. Чертова дверца чуть не раскроила мне лоб.

Несмотря на мои дурные предчувствия, канава осталась незасыпанной. Главное — посадить деревья, сказал Чарльз, а двором он может заняться и зимой. Да и в такую узкую ямку способен провалиться только идиот, возразил он на мое робкое предложение хотя бы накрыть ее доской во избежание несчастного случая.

На следующий же вечер он, торопливо влетев в калитку, угодил в узкую яму сам. Соседи всякий раз едва-едва не ломали ноги — и опасность учетверилась, когда со временем настурции замаскировали ловушку. Соломон падал в нее практический каждый день, гоняясь за Шебой по саду для разминки.

Это, разумеется, было забавно. И проделывалось нарочно, судя по тому, как секунду спустя его большая темная голова выглядывала из настурций явно в ожидании одобрительного смеха.

Но было совсем не смешно, когда однажды вечером мы услышали треск и отчаянный вопль, а выбежав, обнаружили в канаве булочника. Но не нашего постоянного, приятного толстячка, который умел находить дорогу среди настурций, страдал мозолями и имел троих детей, а весьма недружелюбного субъекта, который, когда мы помогли ему выбраться из канавы, сообщил нам, что уже обслужил всех своих постоянных клиентов, а теперь вот в пашем конце деревни подменяет своего партнера, который приболел. А чего, собственно, мы затеяли, спросил он грозно, когда мы его почистили и вручили ему оброненную корзину. Слонов ловим или хотели, чтобы он шею сломал?

На следующее утро еще до завтрака Чарльз засыпал канаву, ни словом не обмолвившись о плодовых деревьях. Однако он объявил, что поглотительный колодец придется отложить до весны, на что старик Адамс, который задумчиво поглядывал на него, облокотившись о калитку сказал, что оно и к лучшему, не то кто-нибудь да провалился бы в него, пока суд да дело.

Глава седьмая
В ИСПАНИЮ!

Надо бы, сказал Чарльз, что-то сделать с этими кошками. Говорил он это постоянно. Прекрасный способ переменить тему, особенно в моменты, когда в воздухе витал намек, что не мешало бы и с Чарльзом что-то сделать.

Как в то самое утро, когда он отодвинул ногой бутыль уксуса, чтобы она не мешала ему ошкуривать стену в кухне, опрокинул ее и разбил. С быстротой, рожденной богатым опытом (Чарльз за свою жизнь много чего перебил), он тут же запер кухонную дверь. С быстротой, также рожденной богатым опытом, я тихонечко обежала дом и проникла через заднюю дверь, которую он не озаботился запереть. Ну и, конечно, Чарльз брезгливо гонял тряпку носком ноги в море уксуса.

И даже бровью не повел, когда его застукали. Сказал только, ловко протягивая мне намокшую тряпку, которую подцепил ботинком, что ему требуется другая, сухая. Даже когда, пылая яростью, я выжала тряпку и сама начала вытирать пол, он сохранил полную невозмутимость. Удивительно, как уксус освежает плитку, верно? Говоря это, он восхищенно следил за тряпкой в моих руках. Нет, честное слово, мы сделали настоящее открытие!

А перед тем мы сделали открытие, касавшееся Соломона, чем и объяснялась вступительная фраза Чарльза о кошках. В тот момент снаружи нашей садовой ограды был припаркован автомобиль и сидевшие в нем люди завороженно любовались Соломоном, который соло исполнял сложный балет на лужайке. Он прыгал,

он скакал, он принимал всяческие позы, иногда исполняя добавочную вариацию — ни с того ни с сего ложился на траву и засовывал лапу в лунку для мини-гольфа.

— Как он хорошо пляшет, правда, мамуля? — произнес тоненький дискант после особенно грациозного пируэта. На что мамуля ответила — печально, так как, видимо, любила кошек, — что бедняжка, наверное, нездоров.

Соломон чувствовал себя прекрасно. Он просто торжествовал победу над мышью. Зрители ее не видели по той причине, что величиной она была немногим больше горошины — ведь он поймал ее самолично. Одна из немногих, пойманных им за всю жизнь, и, увы, по величине — предел его возможностей. Итак, он целое утро просидел на кротовом холмике посреди соседнего луга, гипнотически уставившись на пучок травы, который укрывал, как мы поняли, бедную мышку, у которой оставалась лишь альтернатива: либо покинуть убежище, либо умереть голодной смертью. И скорее всего, новоявленный Свенгали просто хлопнулся на нее всей тяжестью и расплющил в лепешку.

Ну да Соломона это не смущало: он бахвалился, если ему удавалось поймать хотя бы ночную бабочку. И бахвалился, даже вовсе ничего не поймав.

Последнее время он завел привычку охотиться под ежевичной живой изгородью у дороги. Будучи Соломоном, он, естественно, порывался обследовать самые недоступные места, и, будучи слабохарактерной тряпкой, когда дело касалось его, я, естественно, всячески ему в этом способствовала. Вновь и вновь прохожие лицезрели меня в тот момент, когда я поднимала ежевичные плети повыше, пока он осматривал норку под ними и либо запускал в нее лапу, либо — зрелище еще более внушительное — усаживался перед ней в настороженной позе, выжидая

появления добычи. Вновь и вновь люди останавливались поглядеть — ведь он, я и приподнятые ежевичные плети свидетельствовали, что из норки вот-вот вылезет что-то внушительное. И вновь и вновь, собрав почтенную публику, продержав ее в напряжении целую вечность, Соломон вставал, потягивался и удалялся небрежной походкой.

Кто, спрашивается, тогда смущенно опускал голову, кто выпускал плети, словно они внезапно раскалились, и, невнятно пробормотав что-то про прекрасную погоду, ускользал в калитку, ежась от неловкости? Только не Соломон! «Просто сегодня не нашлось ничего достаточно крупного, — величественно заверял он их с садовой ограды. — Даже змеи длиннее трех футов. Приезжайте завтра, посмотрите, что мы поймаем тогда!»

И Шеба была ничуть не лучше. Она изобрела чрезвычайно эффективный способ ставить нас на место. Всякий раз, когда мы не выпускали ее, или не подавали ей ужин вовремя, или она просто чувствовала, что с нее хватит, наша сиамочка садилась перед нами, испепеляла нас взглядом и вздыхала. Такой же вздох испускала моя математичка, едва взглянув на мое домашнее задание по геометрии, и мне был понятен его смысл. Но, вырываясь из груди сиамской кошки, он действовал на меня еще более угнетающе.

Добавьте к этому, что Шеба теперь, когда ее выпускали, не возвращалась на зов. Одно мое слово — или даже Чарльза, которому она обычно подчинялась с покорностью восточной рабыни, — и она галопом уносилась по дороге.

Целью ее были соседские клубничные грядки на склоне холма. Их хозяин — как она, несомненно, знала, поскольку добиралась до его участка мимо других клубничных грядок ничуть не хуже — был единственным в деревне, кто не желал, чтобы я

вторгалась на его землю за кошками. Остальные придерживались иной точки зрения: мне дозволялось забирать эдаких-разэдаких любым способом, каким захочу, лишь бы поскорее.

Ну, и если Шеба достигала своего неприкосновенного убежища первой, она мирно там посиживала — мы выкрикивали угрозы с дороги, а она добродушно вопила в ответ. Рано или поздно кто-нибудь появлялся на дороге, останавливался и спрашивал, почему бы нам не сходить туда и не забрать милую кошечку, вместо того чтобы кричать на нее. Но стоило нам сделать такую попытку, как, точно чертик из коробки, появлялся старик и орал — еще шаг к его клубнике, и он подает в суд! А Шеба тем временем, добившись своего и ввергнув всю округу в хаос, незаметно покидала сцену и возвращалась домой.

Да с этими кошками, бесспорно, надо было что-то сделать, но вот вопрос — что?

Некто посоветовал обзавестись еще котенком. Это, сказал он, их обескуражит и научит знать свое место. Мы ответили (даже не подозревая, что судьба готовила нам), что еще не настолько сошли с ума. Слишком свежо было воспоминание о том, чему мы подвергались, пока подрастала наша парочка, да и вдобавок знали немало примеров того, чему подвергались владельцы котят.

Взять хотя бы наших-друзей, хозяев Чуки. Мы сами предостерегали их, чего им ждать, если они купят сиама. Надо отдать должное и владелице матери Чуки, она их тоже честно предупредила. Когда они беседовали с ней, она сказала, что иногда не свихивается только благодаря одному способу — уходит гулять долго-долго, а когда возвращается, задает кошке хорошую трепку. Но и это не помогло — они купили котеночка. «Нужно всего лишь терпение, —

утверждали они, — ну и твердость, и с таким смышленым малышом никаких хлопот не будет».

Когда мы в последний раз общались с ними, они подумывали о переезде. Он прожил у них три месяца. За этот срок он изуродовал мебель, прогрыз дыру в пуховом одеяле, чуть было не оказался погребенным в куче компоста и угодил в полицейский участок за бродяжничество. И сидел он там не в кошачьей клетке. Из нее он выбрался за один час, что твой Гудини, сказал Полицейский сержант. Когда они пришли забрать его домой, в протоколе значилось, что патрульная машина подобрала его на улице в час ночи, и ждал он их, торжествуя, в обычной камере.

Вдобавок их соседи слева перестали с ними разговаривать, потому что он постоянно забирался к ним и пугал младенца, а соседи справа жаловались на состояние, в которое он привел их сад. В последний раз позвонив нам по телефону, они упомянули, что ищут дом где-нибудь на Эксмурских вересковых пустошах или в глубине Сахары, где он сможет жить по-своему, не засадив их при этом в тюрьму.

Ну, а взять обычного котенка, как посоветовал кто-то — просто чтобы отдохнуть, ведь они куда более послушные, чем сиамские... у нас перед глазами был пример нашего священника. Недавно (вдохновленный, по его собственным словам, преданностью наших двух кошек) он тоже обзавелся парой. Нет, не сиамских. Когда-то Соломон упал ему на голову и так его напугал, что вдохновился он с определенными оговорками, удовлетворившись Харди, глянцевито-черным котиком, и его очаровательной черно-белой сестричкой Уиллис. Они просто дышали клерикальной степенностью, сидя на ограде его дома, и все шло отлично, пока в один прекрасный день он не заметил, что уши у них что-то великоваты.

Он не мог бы ужаснуться еще больше, обзаведись они рогами — и по столь же веской причине. С тех пор как Аякс, силпойнт доктора, был случен с Мими старика Адамса, он начал проявлять живой интерес к нашей долине. И теперь мы частенько видели, как он с оптимистическим видом шествует по дороге. Мими после операции его больше не привечала — в отличие от многих и многих других кошек.

Его вторжение в долину напоминало вторжение Александра Македонского в Индию, только Аякс оставлял в память о себе не белокурые волосы и греческие носы, а котят с большими ушами. И еще они наследовали явную склонность к буйному самоутверждению. Трое уже успели стать местными знаменитостями. Один, находившийся в частной собственности, съел шестерых обитателей рыбного садка; кот на почте порвал несколько переводов и съел отчетность по маркам; а кот в гараже не позволял собакам выходить из машин. Это место принадлежит ему, заявлял он воинственно, все целиком, включая и бензоколонки, и он им покажет, если они хоть нос в дверцу высунут.

Именно для того, чтобы оберечься от таких сюрпризов, священник взял котят у фермера, который жил в трех милях дальше по долине, но и это не помогло. Аякс, сказал он, с отчаянием глядя на Харди и Уиллис, чьи уши росли буквально у нас на глазах, забирался в своих походах куда дальше, чем он предполагал. Бесспорно. Верные крови предков котята приспосабливали свое наследие к окружающей обстановке: Харди уже стошнило на грудь каноника, и его пришлось снимать с крыши церкви, а Уиллис прокусила шляпу младшего священника.

Подходило время отпуска, а мы все еще не знали, что делать с нашей парочкой. Мы уже кое-что попробовали, и это чуть-чуть помогло. Мы купили им

черепаху по кличке Тарзан, и некоторое время они сосредоточились на нем.

Так чудесно было выглянуть в окно и увидеть, как они медленно бредут по лужайке с Тарзаном, и осознать, что не нужно выслеживать их, что десять минут спустя, даже если мы уедем в город, они не окажутся на противоположном конце деревни, не будут гонять по лугу чьих-то кур. А просто продвинутся еще на несколько дюймов, сосредоточенно заглядывая ему под панцирь.

Так замечательно было обнаружить, что стоит забрать его вечером в дом — и не будет ни воплей, ни обычных стычек. Вместо того чтобы сталкивать друг друга с бюро, вместо того чтобы Соломон вопил на Шебу — как она смеет смотреть на него! — вместо всего этого они мирно усядутся под столом, точно два дружных ученых исследователя, и будут заглядывать ему под панцирь.

И было умилительно смотреть на них, когда шел дождь. Сидят бок о бок на крыльце, увлеченно наблюдают, как он ползает по траве, и по очереди выскакивают под ливень, если он останавливается, дабы убедиться, что его мотор все еще под капотом, и ободряюще подтолкнуть его лапой, чтобы снова задвигался.

До того умилительно, что мы не учли одного: Тарзан все-таки не получал достаточно физических упражнений, необходимых черепахе, и он поймал нас врасплох, когда, воспользовавшись тем, что кошки обедали, стартовал по дорожке и исчез. Отыскать нам его не удалось — даже с помощью Соломона. Не смогли мы и заменить его. В зоомагазине нам сообщили, что сезон черепах кончился.

И, пообещав себе, что на следующий год мы купим другую черепаху и посадим ее на поводок или придумаем еще что-нибудь, мы уехали в Испанию.

Соломона и Шебу снова оставили в питомнике, а сами решили весь отпуск наслаждаться жизнью. И наслаждались, если не считать кое-каких накладок. Например, на пути в Биарриц я заказала пиво со льда, а официант посмотрел на меня с удивлением и принес мне пива с мороженым. А Чарльз в Сан-Себастьяне потерял рубашку, что вообще типично для наших злоключений. Мы валялись на пляже, загорали, говорили о том, какой тут покой, и почему нельзя, чтобы всегда было так, а секунду спустя приливная волна слизнула рубашку с его шезлонга и унесла в море. Тут же вокруг все взволновались, принялись кричать, а полицейский, наблюдавший за порядком на пляже, начал поигрывать дубинкой, пристально глядя на Чарльза, потому что в Испании мужчинам запрещается разгуливать без рубашек. Чарльз направился в отель, кутаясь в полотенце, а все смеялись... Не хватало только шествующих позади нас кошек, и мы почувствовали бы себя совсем как дома.

Или история с Прадо. У нас уже было два-три недоразумения с языком. Например, Чарльз встал под душ в нашем первом отеле и дернул цепочку, помеченную «калидо», как всякий нормальный человек, сказал он, полагая, что это слово связано с холодом, и чуть не подпрыгнул до потолка, на опыте убедившись, что оно означает «горячая». Например, мы решили посмотреть соревнования в пелоту и как сумасшедшие бегали перед фасадом Сантандера — для того лишь, чтобы узнать, когда было уже слишком поздно, что «форнтоне», упомянутое в афише, означало вовсе не «фронтон» или «фасад», а поле для игры.

Когда мы приехали в Мадрид, от гаданий или попыток — любимое занятие Чарльза — возвести слова к их латинскому первоисточнику, — мы уже полностью отказались. И приобрели разговорник, а также карту. А

потому, не слишком умея разбираться в картах городов, мы и напутали с Прадо.

Выйдя из метро на Пласа-де-ла-Сибелес, Чарльз под впечатлением окружающей величавой красоты — великолепной статуи дамы со львами, живописных ворот Алькала и таблички, гласившей «Насео дель Прадо», внезапно проникся торжественностью момента — он ведь и сам немножко художник. Он уверенно повел меня в громадное здание на углу. Розовое, в готическом стиле, где, сообщил он мне, пока мы почтительно поднимались по ступенькам, помещается самая замечательная коллекция картин во всей Европе. Он бы сразу его узнал где угодно. Моя беда заключается в том, что я всегда ему верю. Ступая на цыпочках, не решаясь дышать в этой священной Мекке всех любителей искусства, я хотела было спросить, как пройти в зал Гойи, но тут заметила, что люди, небрежно облокачивающиеся на полированный барьер, не наводят справки о картинах. Мы вошли в мадридский почтамт, и они покупали марки.

Глава восьмая
ПОЖАР! ПОЖАР!

Едва мы вернулись из Испании, как Чарльз устроил пожар в трубе — вообще-то неплохой способ оповестить соседей, что мы снова дома. Священник сказал, что сразу это понял, едва услышал сирену пожарной машины.

Не очень-то приятно, ибо возник пожар в результате первой очистки бюро от всего лишнего, набившегося туда за многие годы. Рассортировывая почту, которая накопилась за время нашего отсутствия, Чарльз засунул ее почти всю в ячейку, а затем с натугой опустил пузатую крышку бюро, чтобы показать ему, кто тут хозяин, но едва он отвернулся, петли не выдержали, и крышка хлопнулась на пол.

— С этим, — сказал Чарльз, оглядывая лавину газет, каталогов и журналов типа «Сделай сам», которые горным водопадом рушились на пол, — с этим надо что-то сделать.

И, освеженный отпуском, он сделал что-то. Бросил пару каталогов в камин, с помощью скрепок починил петли, запихнул все остальное под крышку, лег спать — а наутро началось. Камин не топился, но снаружи создавалось впечатление, что коттедж плывет по долине, точно океанский лайнер после команды «Полный вперед!».

В этот день мы взбудоражили всю долину. Первым на место происшествия явился почтальон, который сказал, что, бывает, загорается, и посоветовал вызвать пожарных. Затем прибыл молочник и заявил, что на нашем месте обошелся бы без пожарных. Вот его двоюродный брат вызвал — так он знает, чего они

натворят, чуть дадут себе волю. Запихают шланги в трубу. Мы и оглянуться не успеем — выломают стенку камина — проверить, не занялась ли балка. Лестницы поставят на крышу оранжереи, которую мы только что пристроили к коттеджу, — как подумать, самое дурацкое для нее место, добавил он благодушно, оборачиваясь к Чарльзу. На нашем месте он бы сначала поручил прочистить трубу кому-нибудь из местных на случай, если горит только сажа, а уж тогда, если не поможет, вызвал бы пожарных.

А у нашей калитки уже остановился мальчишка в ковбойской шляпе, чуть не теряя брюки от неистового волнения, и наконец, спасибо молочнику, который после нас услужливо завернул к нему, — старик Адамс. С набором щеток и исполненный решимости тут же лично все погасить.

Я попыталась отговорить его — куда там! Ему тоже было что порассказать о пожарных. Не хочу же я, сурово вопросил он, чтобы со мной приключилось то же, что с его сестрой Минни в Эссексе, верно? «Вызвала их, потому как у нее керогаз полыхнул, выбежала их встретить, а дверь и захлопнулась. Так прежде чем она успела, предупредить их, что задняя дверь открыта, — сказал он, эффектным жестом бросая щетки в камин, — они уже похватали свои топоры и набросились на дверь, точно стадо кенгуру».

Нет, этого я не хотела. Однако я не хотела и чтобы Чарльз со стариком Адамсом чистили трубу. Но это испытание меня не минуло.

На протяжении этой операции солнечного настроения поубавилось. Старик Адамс послал Чарльза наружу взглянуть, не высунулась ли щетка из трубы — он уже навинтил пятнадцать удлинителей; и если наша труба длиннее, так он китаец. Ну и рассердился, когда Чарльз, вернувшись, сказал, что она не просто высунулась, но поникла над крышей, как увядающий

подсолнечник, а на дороге собралась толпа и смотрит на нее.

—Дурачье, — сказал старик Адамс, вытаскивая щетку как мог быстрее. — Жалко, что она не стукнула их по дурацким башкам и не вышибла им дурацкие мозги.

Ну и я не взвыла от смеха, когда они с Чарльзом влезли на крышу и на всякий случай вылили в трубу пару ведер воды, предварительно аккуратно запихнув пару мешков в камин, чтобы вода не вытекла в комнату, а затем победоносно вернулись, забрали мешки, и она вытекла.

И Чарльз был просто поражен, когда я пожаловалась.

—Ради всего святого, что такое капля воды в сравнении со спасением семейного очага и дома от огня? — С этими словами он мужественно шагнул в камин и заглянул в трубу, удостоверясь, что все в порядке.

Все и было в порядке. Но два часа спустя, как только я все убрала, вычистила и взвешивала, хватит ли у меня сил пообедать, семейный очаг и дом снова загорелись.

На этот раз мы вызвали пожарных. Все свелось к тому, что сажа, накопившаяся на каком-то там выступе, была подожжена горящей бумагой. И они ограничились тем, что с помощью специального зеркала установили, где именно горит, счистили сажу особыми щетками и залили водой.

Выпив чаю и успокоив нас сообщением, что лет через пять сажа там опять накопится и, возможно, загорится, но чтобы мы не тревожились, а сразу их вызывали, пожарные удалились восвояси, оставив после себя — если сосчитать до десяти и взглянуть на вещи шире, спокойнее, практичнее — кавардак, лишь немногим превосходивший тот, что оставили после себя

Чарльз и старик Адамс. Как сказал Чарльз: «Во всяком случае, мы знаем, что дымоход теперь прочищен».

После всего этого какой радостью было на другой день поехать в питомник забрать кошек.

—Добрый воздух старой Англии, — сказал Чарльз, глубоко его вдыхая, пока мы ехали туда. — Добрый старый Соломон, добрая старая Шеба! Просто замечательно, что мы едем за ними, верно?

Да, замечательно. Всегда, собираясь в отпуск, последние несколько дней мы твердили, что окончательно свихнемся, если нам придется терпеть их лишнюю минуту. Всегда, когда мы везли их в Холсток и Соломон тоскливо завывал в своей корзинке, а Шеба в своей словно бы декламировала стихи, мы говорили, что сойдем с ума, если будем вынуждены их слушать еще милю. И всегда, едва мы возвращались в пустой коттедж и видели трогательные напоминания о их жизни с нами, мы испытывали непонятную печаль.

А трогательных напоминаний хватало. Например, пятнышки на стене гостиной — сочные, в окружении мелких брызг, — где в летние вечера Соломон прихлопывал комаров. Такие же пятна в свободной комнате, где Шеба, не желая ему ни в чем уступать, сидела на двери и била комаров на потолке. Дорожка на лестнице — купленная меньше года назад, хотя по ее виду вы бы об этом никогда не догадались, после того как четыре пары счастливых лапок придали ей мохеровый облик. А в одном месте на верхней ступеньке две пары счастливых лапок (Соломона) проделали сквозную дыру. Ванна... Если бы ее чистили десять раз на дню (а иногда почти столько раз ее и чистили), все равно хранила бы цепочку следов, петляющих по краю, а дно ее больше всего напоминало берег заводи, куда приходят пить слоны.

К тому времени, когда я завершала мемориальный обход комнат, высыпала землю из покинутых ящиков и

убирала их миски, у меня только что слезы не катились по щекам. К тому времени, когда мы уже где-то отдыхали и расстояние придавало им особую прелесть, что, как ни странно, всегда бывает с сиамскими кошками, они уже виделись нам безупречными ангелочками. Нам не терпелось получить известия о них — удостовериться, что они не зачахли, не простудились, не ушли в мир иной, не выдержав разлуки. А это, поскольку мы никогда заранее не заказывали номера в отелях и хозяева питомника писали нам «до востребования», вносило в жизнь немало дополнительных осложнений.

Возможно, во время наших заграничных поездок мы что-то и упускали в смысле достопримечательностей, но уж почтамты мы знаем досконально. Скажем, во Флоренции под старинной серой аркадой, где мы маячили столь упорно, что, могу поклясться, Чарльза уже принимали за призрак Данте. И в Гейдельберге, услышав от любезного молодого человека «найн», мы пошли к реке (Соломону и Шебе было тогда пять месяцев, и мы не сомневались, что их сердечки разбились и они умерли) и мысленно кинулись в ее волны. И в Париже, где пахнет (или пахло, когда туда заходили мы) перезревшим сыром. Там, прижимая платки к носу, мы день за днем доказывали, что нам должно прийти письмо, и когда оно все-таки пришло, служащий от облегчения горячо потряс нам руки сквозь решетку.

Известия, когда они до нас добирались, всегда были одинаковы: «С. и Ш. здоровы, едят как лошади и нисколько не тоскуют о вас». После этого, чувствуя, как с наших плеч скатываются Альпы, мы пошли и выпили на радостях.

Нет, возвращаться к кошкам было очень приятно. Даже когда мы свернули в ворота питомника и услышали деловитые завывания двух знакомых голосов,

нас не пробрала дрожь. Даже когда мы увидели, что перед нами отнюдь не два истосковавшихся по дому существа, какими они нам рисовались, — когда Соломон прошел в конец их вольера, чтобы сообщить соседу сиаму в его шале, что он получит свое, если посмеет повторить это, а Шеба, томно возлежа в объятиях миссис Фрэнсис, сообщила нам, что она останется здесь: ей нравится, как тут кормят, — даже тогда мы продолжали чувствовать себя счастливыми, снова их увидев.

И пожар, и солнце, которым мы напитались, и иллюзия, будто от разлуки любовь крепнет, — все это ввергло нас в туманное состояние ума, в котором люди бегут покупать сиамских кошек. Если кто-то сомневается, что такое состояние возможно, я могу лишь сослаться на случай с моей знакомой. Старая дева пятидесяти лет жила одна и преданно ухаживала за собой. Спать ложилась неизменно в половине девятого, даже когда у нее были гости (если они засиживались, она вежливо их выпроваживала). После обеда лежала час, подняв ноги и закрыв глаза повязкой от света. А в ее доме царил строжайший порядок — под каждой безделушкой была фетровая подстилочка, вырезанная точно по форме основания — чтобы предохранять мебель.

И если она не пребывала в умственном тумане, когда купила сиама, то уж и не знаю, как это назвать. По ее словам, на нее что-то нашло, когда она увидела его темно-коричневую мордочку в витрине зоомагазина, ротик, разинутый в грустном «мяу». На самом-то деле он не мяукал, а орал благим матом, точно городской глашатай, как она поняла, едва вошла в магазин и очутилась с той же стороны стекла, что и он. Да, на нее, бесспорно, что-то нашло — она его купила, невзирая на это открытие.

Теперь она не ложится спать в половине девятого — в половине десятого она все еще тщится заманить Ланселота с крыши домой. Она не ложится отдыхать после обеда — ее слишком беспокоит, что там затевает Ланселот. Исчезли и подстилочки под безделушками, потому что никаких безделушек у нее нет. У нее есть только Ланселот. И хотя она заведомо души в нем не чает, но до сих пор понятия не имеет, как это произошло.

Если подобное случилось с ней, вы можете вообразить, что почувствовали мы, когда Фрэнсисы пригласили нас выпить кофе на дорожку и, войдя в кухню, мы увидели целую семейку сиамских котят.

Завораживающее зрелище для людей, не знающих, что такое сиамские кошки, или подобно нам все еще опаленных испанским солнцем. Котята свисают с дверных ручек. Котята ныряют с плиты. Один в задумчивости сидит над блюдечком, а еще один блаженно спит в прорези в дверце под мойкой.

— Это, — объяснила миссис Фрэнсис, выволакивая его оттуда — и в отверстие мгновенно бросились два котенка, томившиеся в очереди снаружи, — это ход к их ящику с землей, а он вовсе не спал, а нарочно притворялся. А это, — сказала она, когда сверху донесся громовой стук, затем шум, словно куда-то волокли гардероб, а потом выпихнули его в окно, — это другая компания играет с кроличьей ногой. Под замком в кабинете — они постарше этих и быстро с ними разделались бы.

Если в ее голосе и прозвучали нотки отчаяния, мы их не различили. Слишком уж мы погрузились в грезы о том, как один из этих обворожительных котяток водворится в нашем коттедже. Нет, исключительно ради Соломона и Шебы, а вовсе не потому, что они очаровали нас.

—Стоит дать им котенка, — увлеченно повторяли мы в машине, возвращаясь вечером домой, — и они тотчас переродятся. Стоит дать им существо, чтобы заботиться о нем, лелеять его, играть с ним, и они возьмутся за ум.

—Может быть, — сказал Чарльз поперхнувшись, так как Соломон отыскал новое отверстие в корзине, просунул в него лапу, ловко зацепил ворот его пальто и дернул, — может быть, Соломон даже избавится от этой привычки!

Но, к сожалению, во время нашего разговора Фрэнсисы упомянули, что все их котята уже нашли владельцев. А то бы в следующую же субботу, когда мы окончательно решили обзавестись котенком, мы бы непременно поехали к ним. Они прекрасно разбирались в психологии сиамских кошек и прекрасно знали Соломона с Шебой. И они бы предупредили нас, что эта затея ни к чему хорошему не приведет. Что уж если мы решили подпустить к этой парочке еще какое-то живое создание, то шанс выжить был бы разве что у орангутанга. Или, как сказал Чарльз в воскресенье вечером безнадежно унылым голосом, посоветовали бы нам обратиться к психиатру.

А так, изнемогая от желания вновь любоваться у себя дома прелестным котеночком, мы приобрели его в другом питомнике. У очень милой дамы, которая сказала, что его зовут Самсон — так гармонирует с Соломоном и Шебой, не правда ли? — а потом спросила, когда мы сажали его в клетку Шебы (единственно целую у нас дома), не возьмем ли мы его на эту ночь к себе в постель, ну и на следующую. Ведь вначале, добавила она, смахивая слезу при мысли о разлуке, ему будет так одиноко!

Она бы не тревожилась об этом, если бы видела, какой прием устроила ему наша парочка. Когда мы вошли, они спали. Нежно обнявшись в кресле у камина. И тут же две головы (большая, красивая и темно-

коричневая, другая — маленькая, умная и голубая) поднялись, и возникла любящая, щека к щеке поза, за которую любой фотограф пожертвовал бы своей пенсией.

Она бы не тревожилась, если бы увидела, как в следующую секунду, недоверчиво нюхнув воздух, они, прижав уши, ощетинив усы, вздыбив боевые гривки на спине, поползли по ковру на животе, точно пара секретных агентов.

И она бы не тревожилась (во всяком случае, о том, где он будет спать), если бы стала свидетельницей захватывающей сцены, которая разыгралась, едва они добрались до корзины. Когда они припали к полу с обеих ее концов, подобно паре снайперов, и испустили долгое предостерегающее шипение в отверстия, Самсон, едва крышка была поднята, ответил коротким отчаянным шипением и взвился в воздух. Как сказал Чарльз, стоя на стуле и пытаясь отцепить его от карниза, пока наша парочка снизу предупреждала его, что пусть только он посмеет ступить ногой на Их ковер в Их доме — Их долине, ревел Соломон, хлеща хвостом как бичом, — они его съедят живьем... Как сказал Чарльз, она бы тут же упала в обморок.

Глава девятая
ВЕЛИКАЯ СИАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Самсон с первого же взгляда поразил нас сходством с Соломоном. Те же большие уши, те же большие лапы, та же нахально-хвастливая походка. И та же знакомая непоседливость. Мы впервые мельком увидели его в тот момент, когда в непогожий сентябрьский вечер его владелица открыла нам дверь. Через прихожую промчалась маленькая белая молния, пролетела мимо нас в футе над полом и с воплем исчезла во мраке.

Это, сказала его владелица — а пятеро котят подозрительно щурились на нас из-за ее лодыжек, — это Самсон работает на публику. Он вернется, стоит закрыть дверь, сказала она. Не выносит темноты. И действительно (вылитый Соломон, выразительно сказал Чарльз, услышав это. Его мы ни в коем случае не возьмем), едва дверь захлопнулась, как снаружи донесся душераздирающий вопль Самсона, надрывающего глотку, чтобы отогнать привидения.

После таких переживаний Самсону пришлось воспользоваться ящиком. И проделал он это не стеснительно, как нормальный котенок, но внушительно, чтобы показать, каких опасностей ему удалось избежать. После этого Самсон (он явно уже привык к появлению посторонних людей) просто должен был влезть на гладильную доску. Она находилась за занавеской из тяжелой материи, и когда он забрался на самый верх, в комнате этого старого незнакомого нам дома вдруг качнулось нечто, скрытое складками занавески, которая, едва он задвигался, качнулась обратно. И совершенно напрасно хозяйка

котят попросила нас не смеяться — мы побелели как бумага.

Самсон был настолько похож на Соломона, что мы, конечно, его не взяли бы, если бы не одно обстоятельство. Нам был нужен кот, а он был тут единственным котом. А кота мы выбрали в расчете, что он, когда вырастет, сможет вести себя с Соломоном на равных. А еще мы хотели кота, чтобы Соломону не взбрели в голову всякие идеи. Стоит взять еще кошечку — и старый Брюхан вообразит, что обзавелся гаремом — и, как сказал Чарльз — пусть это останется чисто в теории, но бахвалиться он все равно будет без передышки. Разляжется на спине, а они справа и слева его умывают — от Соломона только этого и ждать. Спать будет головой на одной, а ногами — на другой. Сшибать их с ног, когда ему вздумается — как сейчас опрокидывает Шебу, — но только чаще для пущего эффекта.

И мы взяли Самсона — как выяснилось, к лучшему. Если бы кошечке довелось вытерпеть то, что вынужден был терпеть Самсон в следующие дни, думаю, она не выжила бы.

Иногда меня удивляет, как я сама-то выжила. В первую ночь, памятуя о своем обещании, мы взяли Самсона к себе в спальню. До утра он бдел на шкафу — иногда икая, потому что за ужином они его перепугали и он проглотил большой кусок кролика, — а те двое выли под дверью свободной комнаты как лесные волки. На вторую ночь, чтобы как-то уравновесить положение вещей, мы заперли Самсона в гостиной с грелкой, а их забрали к себе в постель. Но и это не сработало.

Соломон и Шеба, уже убедившись, что мы не поддадимся на их уговоры и не выбросим Самсона в мусорный бак, подчеркнуто перестали с нами разговаривать. И, чтобы мы не упустили из виду этот факт, Шеба не свернулась калачиком в ногах кровати,

как обычно, но, тяжко вздыхая, улеглась мне на плечо, а Соломон, решив не уступать своего привычного места, угрюмо скорчился на ней.

Соломон весит немало, и в результате стоило ему пошевелиться или мне высвободить плечо, как Шеба переставала вздыхать и шипела. Всякий раз, когда это происходило, Соломон спрыгивал на пол и обиженно укрывался под кроватью. Всякий раз он спрыгивал с таким печальным, таким безнадежным стуком, что сотрясал половицы и будил Самсона, который тут же принимался горько плакать внизу. Шипение, стуки, плач, и время от времени Соломон печально, жалостно сопел, когда в расстройстве чувств вновь забирался на кровать — жизнь в эту ночь бесспорно оставляла желать лучшего. Только на рассвете я все-таки задремала, хотя Шеба продолжала вздыхать, а Соломон сидеть у нее на голове, и сразу же заверещал будильник. Шеба снова зашипела, а я, доведенная до предела, слетела с кровати, расшвыривая кошек.

Страдай мы только по ночам, еще можно было бы терпеть, но днем было еще хуже. Тишина действовала на нас угнетающе. Уже четыре года мы жили под нескончаемый аккомпанемент кошачьего шума. Кошки вопили, чтобы их выпустили. Кошки оповещали нас, что вернулись. Кошки вопили, потому что заперли себя в шкафу, или — если до нас доносился с неестественной высоты голос Соломона, полный муки, — это значило, что он вновь пытался осуществить свое честолюбивое желание выбраться наружу через фрамугу и, вспрыгнув туда, по обыкновению, струсил ине решался спрыгнуть вниз.

Даже когда наступал вечер и мы располагались отдохнуть — я и Чарльз с книгами, а Соломон грезя о дроздах на каминном коврике, — даже тогда Шеба обычно болтала. Сообщала нам, что видит за окном, садилась в угольный совок, угрожая воспользоваться

им, если мы сейчас же ее не выпустим, или, если ничего не выходило, усаживалась, выпрямившись, перед Чарльзом и с надеждой выпевала ему негромкую монотонную серенаду и всякий раз, когда он обращал на нее внимание, испускала громкое влюбленное «вау!».

Все это плюс звуки веселой драки за грелку перед отходом ко сну и общий для всех сиамских кошек звук отбойных молотков, когда они оставались наверху одни, вдруг прекратилось с появлением Самсона, и воцарившаяся тишина веяла жутью. Особенно потому, что, как ни странно, впечатления, что дом остался без кошек, отнюдь не возникало — наоборот, нарастало, ощущение, что дом просто ими кишит.

Только увижу, как Соломон скорбно сопит на кухне в поисках крошек (он их всегда подъедал, но теперь можно было со вкусом сделать вид, что с тех пор, как мы взяли Самсона, у него нет иного выхода: либо крошки, либо голодная смерть!), как уже обхожу его на лестнице. Только он проводит меня печальным взглядом, говорящим, что он вряд ли протянет долго, но надеется, что я его не забуду, когда он уйдет в мир иной, как уже обнаруживаю его под кроватью. И только я встану после тщетной попытки выманить его оттуда (тут он смотрел на меня взглядом, говорившим, что силы его иссякли и он будет сидеть Здесь, пока не Умрет), как он уже снова на кухне, и Чарльз кричит с нижней ступеньки лестницы, а кормила ли я Соломона завтраком — он только что украл всю ветчину.

То же происходило и с Шебой. Она носилась по дому с невероятной быстротой — одновременно хмурилась на Соломона из-за часов и с оконного карниза, выглядывала из-за стульев и свирепо сверкала глазами (или так казалось?) со всех шести полок книжного шкафа сразу. Впечатление было такое, что ее в доме не меньше двух десятков.

Ну, а Самсон... очевидно, у него были роликовые коньки. Сейчас он лазит по занавескам в прихожей, а секунду спустя превращается в бугорок, который таинственно путешествует под покрывалом только что застеленной постели. Сейчас он трудолюбиво уписывает свою овсянку на половичке в кухне, чтобы вырасти большим, сильным котом и дать чертей Соломону, а секунду спустя... у меня чуть сердце не оборвалось — открываю холодильник, а он там. Ради Того Же Самого, сообщил он, радостно поднимая глаза от куриной ноги, и добавил: если так пойдет и дальше, он скоро одной лапой поборет старого Жирнягу. Если так пойдет и дальше, возразила я, мгновенно извлекая его наружу (теперь, естественно, к моим мелким обязанностям прибавилась еще одна: обыскивать холодильник, нет ли там Самсона, а уж потом закрывать дверцу), мы вскоре получим на десерт мороженое из котенка.

К несчастью, таким Самсон бывал, только когда мы оставались одни. Например, рано утром, когда Соломон и Шеба (видимо воображавшие, что ночью мы держим его в саду), едва проснувшись, выскакивали за дверь, проверить, не исчез ли он. Тогда Самсон снова становился таким, каким мы видели его в первый раз. Метался зигзагами по полу точно шмель (у всех сиамских кошек есть свои причуды, он избрал себе такую). Карабкался по внутренней стороне занавесок — несомненно, еще одна причуда, но гладильную доску за ними мы не прятали, и прежнего эффекта не получалось. Алчно забирался на стол, едва мы садились завтракать, а когда его снимали, исчезал на секунду-другую, а затем залезал туда с другого стула. Когда же, признав свое поражение, мы закрывали крышками молочник и масленку, оборонительно нагибались над нашими тарелками и позволяли ему бесчинствовать, Самсон даже затевал разговор.

Это, говорил он своим пронзительным заячьим голоском, проскальзывая у меня под локтем, чтобы добраться до грудинки, или ловко минуя заграждения Чарльза, чтобы лизнуть его яичницу, это очень весело. Если бы он мог избавиться от кошмаров о большом коте, который ходит так странно, и голубой кошке с косыми глазами, он был бы совсем-совсем счастлив. Тут его осеняла мысль. Они же правда просто кошмары? И он внезапно садился на стол, глядя на нас круглыми голубыми глазами. У нас же здесь на самом деле нет таких кошек, правда? А если есть, так мы их отправим восвояси, раз теперь у нас есть он, да?

Отвечать нужды не было. К этому моменту Соломон и Шеба, прочесав сад, как пара ищеек, и нигде его не обнаружив, тоже чувствовали, как их осеняет мысль. И уже сидели на подоконнике, свирепо щуря на него глаза. С дьявольским выражением на мордах, которые, казалось, вот-вот начнут дымиться, они смотрели, как он ест Их печенку и облизывает Их тарелки. Самсону, когда он задавал свой вопрос, достаточно было просто проследить мой взгляд до окна и выяснить, существуют они в кошмарах или наяву. Быстро взглянув на них, Самсон с краткой, но выразительной молитвой своему ангелу-хранителю немедленно исчезал.

Нам, конечно, уже тогда следовало бы понять, что это безнадежная затея, но мы упорствовали. Порой безмолвие войны в джунглях вокруг нас прерывалось тоненькими визгливыми тремоло, означавшими, что они загнали Самсона в угол, так не можем ли мы, пожалуйста-пожалуйста, побыстрее прийти к нему на помощь, не то они его загипнотизируют! А иногда раздавался громкий негодующий вопль, означавший, что Соломон с таким рвением заходил Самсону с фланга, что по ошибке сам оказывался в углу, и теперь Самсон глядел на *него.* Если слышалось шипение,

значит, там была Шеба. Хотя шипеть она могла вовсе не на Самсона, а на Соломона под столом.

Шеба в эти дни пребывала в таком бешенстве, что ей было все равно, на кого шипеть. Она шипела на нас, она шипела на Сидни, она шипела на молочника. Однако больше всего (если не считать Самсона) она шипела на Соломона. Решила ли она, что он и Самсон родственники, раз так похожи, мы не выяснили, но Соломон бродил унылой тенью, дважды уходил из дома, и мы силком возвращали его из леса.

Самсон также дважды уходил из дома. В первый раз мы нашли его на яблоне — Соломон сидел на несколько футов ниже, а Шеба у ствола сердито ворчала и грозила спилить яблоню — уж тогда-то они у нее узнают! Второй раз, хватившись Самсона, я увидела, что Шеба крадется к калитке по дороге, выгнув спину, и кинулась за ним, но на полдороге встречный мальчишка сообщил мне, что застрелил его. Тот самый мальчишка в ковбойской шляпе, на этот раз вооруженный рогаткой. Последнее время меня не оставляло ощущение, что стоит у нас стрястись беде, как он сразу же оказывается рядом. Я на бегу заверила его, что в таком случае вернусь и пристрелю его самого. И его деда, кем бы он ни был, проорала я, когда плаксивый голос у меня за спиной крикнул, что он тогда дедушке пожалуется.

В тот день я не уловила, о каком дедушке шла речь. Самсон, застреленный, к счастью, только в плодовитом воображении Грозы Прерий, был еще жив. Он почти выбрался на шоссе — мех дыбом, словно подстриженный ежиком, чтобы пугать волков, а темный хвостишко поднят как флаг — для храбрости. Полный решимости, сказал он (дрожа как осиновый лист, когда я его подобрала, и отчаянно вырываясь), ни за что не возвращаться.

Если бы не Чарльз, Шеба получила бы хорошую трепку, когда я пришла домой. Было яснее ясного, что

она сознательно прогнала Самсона. И пришла в бешенство, когда снова его увидела. Она зашипела так яростно при виде нас, что чуть не выломала все свои зубы.

Пора этой кошке, объявила я, заперев Самсона для верности в прихожей, понять раз и навсегда свое место тут. А Чарльз сказал, что она не нарочно. И Чарльз, хотя всю последнюю неделю она только и делала, что шипела на него, нежно взял ее на руки и сказал, что она его маленькая подружка. И, боюсь, было только справедливо, что в разыгравшейся несколько секунд спустя битве больше всех досталось Чарльзу.

Соломон все это время сидел во дворе и ел кожицу грудинки, которую я бросила птицам. (При обычных обстоятельствах он до нее и когтем не дотронулся бы, но она подвернулась очень кстати, когда его Заморили Голодом, а к тому же застряла в щели между булыжниками, и он устроил душераздирающий спектакль, жалостно выцарапывая ее темной лапой.) Но теперь внезапно вошел в комнату. Он обладал особым даром появляться в не слишком удачные моменты, а неудачнее этого и придумать было нельзя.

Шеба — глаза скошены, шерсть дыбом, вне себя от ярости из-за возвращения Самсона, — едва его увидела, вывернулась из объятий Чарльза и ринулась в атаку. Соломон, перепуганный до смерти, кинулся к двери в прихожую и обнаружил, что она заперта, и Шеба загнала его в угол. И мгновенно у нас в гостиной разыгралась схватка года. Мы с Чарльзом пытались их разнять, а Самсон в прихожей орал во всю мочь.

Первый раунд выиграла Шеба. Она укусила Соломона за лапу. Шеба выиграла и второй раунд — я нагнулась растащить их, и она укусила меня за руку. Третий, и решающий, раунд остался за Соломоном. Когда Чарльз, ухватив его за первую попавшуюся часть тела, извлек из сечи, Соломон — спиной к стене и

исступленно размахивая лапами во все стороны — убедительно съездил его по носу.

Глава десятая
ПОРАЖЕНИЕ САМСОНА

На следующее утро, бредя вверх по склону за газетами, мы являли собой жалкое зрелище — Чарльз с пластырем на носу, я с пластырем на руке, а сзади на трех лапах ковыляет Соломон. Ну прямо отступление из Москвы, сказал священник, открывший окно, чтобы поздороваться с нами, когда мы проходили мимо, так кто же из нас Наполеон?

Увы, нам было не до смеха. Чарльз, насколько я поняла, с минуты на минуту ждал, что скончается от заражения крови. В коттедже трепещущий Самсон был заперт для безопасности у нас в спальне, а Шеба, грозя местью всем и каждому и, судя по глухим ударам, которые доносились до нас, когда она умолкала, чтобы перевести дух, сокрушая сушилку, сидела под замком в ванной. Соломона нам пришлось взять с собой: увидя, что мы уходим, он начал так вопить о своей ноге и о том, как его бросают на верную гибель, что иного выхода не осталось, — кто-нибудь мог бы вызвать полицию. А теперь, мрачно сказал Чарльз, он устраивает такой спектакль из своей хромоты, что ее обязательно вызовут.

Чарльз был зол на Соломона. И особенно за эти его демонстрации. А кто его ударил по носу, хотел бы он знать, сурово спросил Чарльз, когда мы проходили мимо почты, и почему он не дает взять себя на руки, как нормальный кот, если уж ему больно идти? После чего Соломон, жалобно держа лапу на весу, остановился раз в шестой и с упреком сообщил Чарльзу, что это была Несчастная Случайность, а удар предназначался Шебе,

а если нам стыдно, что он упражняет свою бедненькую прокушенную ногу, так лучше нам отдать его в приют.

Именно в эту минуту из почты вышел доктор Такер и спросил, что случилось. Мы лечились не у него, но он же был владельцем Аякса. И, сказал он, если мы облеплены пластырем, а Соломон орет во всю мочь посреди дороги, совершенно ясно, что назрел еще один сиамский кризис.

Ну, мы ему рассказали все — и про злость, и про драки, и про Шебу, сокрушительницу сушилок, и про то, что не в силах больше терпеть подобное, мы договорились сегодня же вернуть Самсона его бывшей владелице. Скрепя сердце. Мы успели за короткое время очень привязаться к Самсону, а он, казалось, испытывал симпатию к нам в те редкие минуты, когда не терзался из-за Шебы с Соломоном.

Нас угнетало сознание, что мы не умеем справляться с нашими кошками — и такого же мнения явно придерживалась бывшая владелица Самсона, хотя по телефону она была сама любезность, выразила всяческие сожаления и согласилась взять его назад. Но упомянула, что ее котята часто попадали в дома, где уже жили кошки — в том числе и сиамские, — и после первых дней привыкания с *ними* никаких проблем не возникало. Намек был ясен: будь мы терпеливее и тверже с нашими кошками (хотя какую еще твердость могли мы проявить? Заковать их в цепи?), то все наладилось бы.

Однако доктор Хакер нас успокоил. «Ничто не помогло бы», — сказал он. Подоплека заключалась в том, что Соломон и Шеба были близнецами и выросли вместе. «Между ними, — сказал он, — существует особая близость, какой не бывает у котят от разных матерей, даже если они растут вместе. Хотя со временем они бы притерпелись к Самсону, все свелось бы к постоянному вооруженному перемирию». О

взаимной привязанности, которая объединяла нашу парочку, несмотря на их ссоры и драки, и речи быть не могло. Как и об общих играх. Соломон и Шеба с возрастом, возможно, станут совсем чужими друг другу — о чем уже говорили некоторые признаки. «Но в любом случае, — сказал он, окидывая Соломона профессиональным взглядом (тот все это время сидел на дороге, храня рассеянно-невинное выражение, которое всегда принимал, если люди обсуждали его), — раз Соломон так ревнив, а Самсон — тоже кот, рано или поздно Соломон принялся бы прыскать».

При этих словах уши Соломона взлетели вверх как семафоры, а мы навострили свои. «Соломон, — заявили мы категорически, на случай, если нас подслушивал какой-нибудь проказливый дух, — Соломон кастрирован». Даже оглянуться не успел, как уже... душещипательно заверил Соломон доктора, хотя в его глазах появилась задумчивость. А мы были совсем ошарашены, узнав от доктора, что хотя кастрированные коты редко прибегают к этому средству, но когда в них пробуждается ревность — особенно если они сиамы, — ничто не мешает сработать врожденному рефлексу. Нас же просто потрясла мысль о том, от чего мы, сами того не зная, избавились. Как твердил Чарльз всю дорогу домой, стоило бы Соломону понять, что к чему, и он бы не просто прыскал, а разгуливал бы по дому как фонтан на четырех лапах. «И нас тогда не спасли бы все благовония Аравии, — добавил он, обмахиваясь при одной только мысли. — Одна понюшка — и нас все будут обходить стороной за милю».

И вот уже не так неохотно, как до этого разговора, но все-таки с грустью мы вернули Самсона в его веселую семейку. Когда мы бросили на него последний взгляд, он и думать забыл про нас и толстой темной лапкой упоенно гонял своих сестричек вокруг книжного шкафа. И постепенно жизнь вошла в обычную колею.

Но постепенно! Прошло несколько дней, прежде чем Шеба перестала шипеть на Соломона, а Соломон в свою очередь перестал боязливо красться с таким видом, словно ждал, что из-за каждого угла вот-вот выпрыгнет Дракула. Но в конце концов вновь вернулся мир, а с ним наступило и утро, когда они вышли из свободной комнаты бок о бок, излучая безмятежность, и Шеба вымыла уши Соломону, прежде чем уютно устроиться на плече у Чарльза, а сам Соломон отпраздновал всеобщее примирение, нырнув головой под одеяло, перекатившись на спину и уснув с ногами на подушке.

А мы в первый раз за несколько недель смогли перевести дух и поглядеть, что за это время произошло в деревне.

А там жизнь на месте не стояла. Что-то расстроило старика Адамса — пока еще мы не знали, что именно, но всякий раз, когда он проходил мимо коттеджа, шляпа была у него нахлобучена на глаза так, что он почти ничего не видел. Верный признак душевного волнения. Люди, жившие дальше по дороге, обзавелись машиной. («Цвет кремовый, крыша жесткая, очень удобная, — сообщил Соломон, следя за ними из окна, и так колыхал занавеской, что они, возможно, решили, будто за ними подсматриваем мы. — Чтобы оставлять автографы, лучше не придумаешь. Надо поскорее погулять по ней»!) А Сидни в связи с надвигающимся Рождеством подрядился поработать у местного строителя. Что, судя по кое-каким признакам, было чревато затягиванием сроков сдачи заказов.

Сидни, когда как-то утром в воскресенье заглянул починить кран, сам со смехом рассказывал, какие случаются незадачи. Например, в одном доме, где трудилось много рабочих, так как его требовалось закончить поскорее, они с такой быстротой возвели стены, что только перед обеденным перерывом, когда кто-то пошел налить чайник, выяснилось, что они не

оставили ни единого проема для дверей. Спрашивать, кто заложил проемы, не требовалось. Естественно, Сидни.

А в другом доме они входили и выходили через большой проем, оставленный для венецианского окна. Товарищи Сидни, когда не наливали чайники, видимо, никогда не пользовались дверными проемами, а беззаботно прыгали в будущие окна или перемахивали через четырехфутовую кладку стен, демонстрируя свою ловкость. И вот в одно погожее осеннее утро окно это обрело большое зеркальное стекло, а через десять минут рабочий, опоздавший, потому что у него в дороге сломался мотоцикл, прибежал на стройку и прыгнул с того места, откуда всегда прыгали Сидни и прочая компания. «Он влетел внутрь и остался цел — голова почище кокосового ореха», — заверил нас Сидни. Только в ушах зазвенело да шлем мотоциклетный помял, а они неделю хохотали. Вернее, до следующей такой же веселой ошибки, когда они установили лестничный марш прямо наоборот.

Дом был самый современный — первый такой в нашей деревне, и на сей раз, сказал Сидни, стуча по нашему крану молотком для колки угля, виноват был десятник. Нас это сообщение обрадовало. Нам уже чудилось, что Сидни и его товарищи встретят Рождество в приюте для неимущих, если и дальше будут работать в таком же темпе, и было радостно услышать, что равновесие хоть немножко восстановилось.

Выяснилось, что в данном случае десятник не разобрался в чертежах. Он привык строить солидные квадратные бунгало, добрые старые коттеджи на две семьи, и первый в его практике дом с открытой планировкой поставил его в полнейший тупик. Не желая признаться в этом, он колдовал над чертежами как мог, и в результате лестница была сооружена таким

образом, что в одном месте приходилось проползать под балкой на четвереньках.

«Самое странное, — сказал Сидни, стукнув по нашему крану с такой силой, что капать он должен был перестать, но вставал вопрос, сумеем ли мы его открыть, — что все так там и проползали на четвереньках. Десятник, рабочие, даже те, для кого дом строился. Почему-то все сочли, что так и надо, и никто не подумал, что ползать на четвереньках придется и когда дом будет достроен». То есть никто, пока из Лондона не приехал архитектор, а уж что он произнес, когда увидел, как они ползают на карачках по его лестнице... «Стал совсем лиловым, а таких слов ни в одном словаре не сыщешь», — докончил Сидни.

Мы, конечно, ему не поверили, заявил Сидни, опустил молоток и с надеждой посмотрел на чайник. Нет, поверили. Еще как! В те дни, когда с нами жил Блонден и мы только что въехали в коттедж, мы тоже по простоте душевной обратились к местному строителю — надо было выровнять пол в кухне. Несколько дней я мыла посуду, стоя одной ногой на доске, а коленом другой опираясь на край мойки, чтобы не свалиться в шесть дюймов цемента, а строитель без конца распространялся, какой он замечательный — уровнем ну никогда не пользуется и отвесом тоже никогда, а полагается на свой глазомер и еще ни разу в жизни не ошибся ни вот на чуточку! Наконец доски были убраны, и, к несчастью для нашей кухни, его настигла близорукость. Пол все еще был скошен на два дюйма.

Когда мы указали на это строителю, он сначала поклялся, что ничего подобного, а когда мы доказали свое утверждение с помощью одного из орехов Блондена — положили орех, и он скатился по наклону, строитель объяснил, что это он специально сделал: я опрокину ведро с водой, а вода спокойненько вытечет в

заднюю дверь. И твердо стоял на своем, не слушая наших возражений, что в таком случае она потечет прямехонько под буфет. И, как памятник несгибаемости местных строителей, пол на кухне у нас скошен и по сей день. А плита, три шкафчика, буфет (а теперь, естественно, и холодильник) покоятся на чурках, которыми он нас снабдил — и не только, чтобы их выровнять, но чтобы (предположительно) мы могли заплескивать воду и под них.

Правда, как сказал Чарльз, сообщать про это Сидни нам никак не следовало. А то у него, глядишь, возникли бы какие-нибудь блестящие идеи. Ну, да в это утро кухонный пол нас занимал недолго. В это утро Шебу укусила гадюка.

Знаю, знаю, был октябрь, а гадюки обычно кусают весной. Так сказал ветеринар, когда я ему позвонила. Но затем он добавил, что наши кошки, если им приспичит, способны отыскать анаконду в январе, а потому он сейчас приедет. Знаю, знаю, в смысле гадюк мы всегда опасались за Соломона. Поскольку метод Соломона, когда он пытался поймать что-нибудь, начиная от ужа и кончая осой, сводился к тому, чтобы сперва потыкать в добычу лапой, проверяя, двигается ли она, а затем понюхать для выяснения, съедобна она или нет. Поскольку Соломон, когда мы брали его с собой, увлеченно нырял в любые заросли травы и до того возбуждался, когда оттуда высовывалась его собственная темная лапа, что, окажись там гадюка, он и оглянуться не успел бы, как она повесила бы его в качестве трофея на свой тотемный шест.

Шеба тоже змееловом не была. Просто — настолько она отличалась на любом поприще — в нас жило убеждение, что стоит ей захотеть — и она будет возвращаться домой в гирляндах этих пресмыкающихся. Вот почему, когда она уныло пробралась в коттедж на трех ногах, жалобно держа на

весу четвертую и, проходя мимо, бросила на нас даже еще более жалобный взгляд, мы не придали этому особого значения. Она ведь могла просто подражать Соломону, а к тому же в прошлом осталось столько ложных тревог, когда они падали с ограды и ветеринар, примчавшись, определял растяжение, а в ванной накапливался и накапливался запас кошачьих мазей (по семь шиллингов шесть пенсов баночка), совсем нетронутых, так как они прятались, стоило нам взять баночку в руки, — и, сообщив ей, что лубки в аптечке, мы продолжали разговаривать с Сидни.

Только когда мы обнаружили, что она лежит под кроватью, а лапа, всегда такая маленькая и изящная, раздулась в хороший апельсин, только тогда мы поняли, что случилась беда. И чуть было не опоздали. Она уже впала в кому и вытянулась на руках Чарльза как мертвая. Я вызвала ветеринара. Он ощупал ее дряблое тельце — глаза у нее чуть приоткрылись, потом сказал, что это правда похоже на змеиный укус, и тут же вколол ей гистамин.

Гистамин должен был остановить отек. И на полчаса наш мир замер — мы ждали, подействует ли он, а ветеринар договаривался, чтобы ему прислали из больницы противоядие. Теперь ее держала я — крепко обнимая, чтобы согревать. Чарльз и Сидни стояли рядом, а Соломон (всегда на авансцене, что бы ни происходило) с любопытством смотрел на нас с ближайшего стула.

Никогда она не была так дорога нам, а минуты шли, и отек медленно распространялся к ее плечу... Да, никогда — даже в те долгие ночные часы, когда она не вернулась домой. Ведь тогда оставалась надежда, что с ней ничего страшного не случилось, что она спит где-нибудь в безопасном месте. А сейчас нам оставалось только смотреть на нее и чувствовать, что, если мы ее потеряем — злокозненную, портящую все и вся,

доводящую до исступления, — то потеряем с ней часть сердца.

Как сказал Чарльз, когда все осталось позади, мы могли бы и не тревожиться. Шеба же скроена из на редкость прочного материала. И, не говоря уж о всем прочем, она ни за что не оставила бы в наследство Соломону свои порции рыбы.

Через полчаса отек чудесным образом остановился, Шеба на грелке упоенно изображала Виолетту, и ветеринар объявил, что всякая опасность миновала. «Остается только, — сказал он, ласково поглаживая ее по щеке, — чтобы малютка поднабралась сил».

И малютка начала их поднабираться. После двух дней возлежания на нашей кровати, когда Чарльз носил ее вверх и вниз по лестнице, потому что лапа у нее начинала распухать, если она ходила, когда она ничего не могла есть, заверяла она нас, кроме — тут бросался торжествующий взгляд на Соломона, угрюмо поглощавшего треску, — крабового паштета, так после этих двух дней она совершенно выздоровела. И тут же чуть не свела нас с ума, непрерывно лакая воду и хлюпая, как сенбернар, — что, успокоил нас ветеринар, когда мы в тревоге ему позвонили, было просто реакцией ее организма на действие гистамина. Открыв ей кухонную дверь раз пятьдесят за вечер, мы скорее готовы были поверить, что Шебу сглазили, но в конце концов, когда у нас уже ноги отваливались, прекратилось и это.

Не прекратилось только стремление Шебы снова и снова рассказывать всем и каждому о том, что ее укусила гадюка и она чуть не умерла. Сохранились и некоторые подозрения, как наши, так и ветеринара, что укусила ее все-таки не гадюка, а оса. И еще сохранилось твердое убеждение Шебы, что иглу шприца в нее вогнал Сидни — задним числом мы сообразили, что в тот момент он действительно стоял

позади нее. Прямо в Попку, упрекала она его при каждой встрече. Прямо туда, где Больнее Всего. И тогда, когда она Чуть Не Умерла. Сидни всячески пытался заслужить прощение, но она еще долго не желала даже близко к нему подходить.

Глава одиннадцатая
ТИМОТИ, ДРУГ СОЛОМОНА

Следующей свалившейся на нас напастью был Тимоти. Мальчишка с рогаткой. Как-то утром он разбил окно в нашей кухне ловким выстрелом из-за угла сарая, но пока он самозабвенно любовался аккуратной дырочкой в сетке трещин, Чарльз выскользнул в заднюю калитку и сцапал его. Мы уже давно ломали головы, чей он. И теперь повели его по дороге (все в той же ковбойской шляпе), чтобы выяснить, откуда он взялся. Вдруг он вырвался и, к вящему нашему изумлению, хныча, побежал по дорожке к дому старика Адамса.

Выяснилось, что он внук Адамсов и гостит у них, чтобы его мать могла немножко отдохнуть. Не узнали мы об этом раньше потому, что были слишком поглощены нашими кошачьими проблемами; к тому же в зимнее время поболтать со стариком Адамсом мы могли только по воскресеньям; а когда мы при нем удивились, как это такое событие осталось нам неизвестным, он ответил, что предпочитает свои неприятности держать при себе.

Вот и моя бабушка прибегала к подобному зачину — и действительно, в следующую же секунду мы уже слушали его грустную повесть. Проделкам Тимоти дома не было числа, и заключительная, чуть не убившая его мать, сводилась к тому, что он проглотил ось игрушечного автомобильчика. «Собственно, — рассказывал старик Адамс, — расстроило ее не столько это — хотя раза два она и хлопалась в обморок при мысли, как ось катается в желудке Тимоти, а то ее

расстроило, что в больнице ему сделали рентген этого самого желудка и никакой оси не нашли!»

Врачи говорили, что он ее не глотал. Он говорил — нет, глотал. Его мать, вне себя от ужаса, ждала, что ось вот-вот исколет ему все внутренности. Когда, следуя пророческому предчувствию, врач и сестра отправились с ним домой, а там сказали: «Ну-ка, малыш, покажи нам ее», и он, глазом не моргнув, вынул ось из ящика столика, несчастная женщина впала в настоящую истерику. Зачем, зачем, спрашивала она, прежде чем лишиться сознания в третий раз, зачем он ей сказал, что проглотил ось? И мальчуган, весело смеясь, что так удачно подшутил над мамочкой, ответил, что правда проглотил ее, а только потом выплюнул.

Какая муха укусила нас пригласить мальчика с такой биографией на чай, я понятия не имею. Ведь к этому времени он не только разбил наше окно, но в обществе старика Адамса съел автобусные билеты, когда они поехали в город, что вызвало неприятности с контролером, разбил окно в «Розе и Короне» (тоже из рогатки, объяснив, что хотел позвать дедушку, который сидел внутри, — нам это показалось доказательством большой находчивости, но хозяин придерживался иного мнения) и выкрасил столбы ворот Ферри в кирпично-красный почтовый Цвет.

Беда была в том, что Фред Ферри совсем недавно выкрасил их ярко-зеленой краской. Он бежал по дороге, изрыгая пламя, — Тимоти испоганил его новехонькую краску этой дрянью. Старик Адамс — он предпочитал красный цвет, и краску Тимоти позаимствовал из банки, оставшейся после окраски входной двери, — очень обиделся и предложил расквасить ему нос. Фред Ферри по деревенскому обычаю подал на него иск — и если ему это обойдется меньше пяти фунтов, сказал старик Адамс, уныло нахлобучивая шляпу на глаза при одной

только мысли об этом, так не видать ему завтрашнего дня.

Быть может, мы тогда прочли церковный журнал и наши нимбы подновились, но, как бы то ни было, мы пригласили Тимоти к нам на чай. Подставляли другую щеку в упоении — вопреки тому, что нам пока не удалось сделать с Соломоном и Шебой — перевоспитать его.

Должна с сожалением признать, что и тут мы не преуспели. Чай он пил — то, что не выплескивал на ковер, — с хлюпаньем, напоминающим всхлипы засорившихся водопроводных труб. Кошки были ну просто заворожены. Хлеб с маслом он подносил ко рту обеими руками, упорно глядя на нас поверх ломтя, словно над бруствером. Как мы ни пытались завязать разговор, он хранил полное молчание. Когда он кончил есть и мы спросили, чем бы ему хотелось заняться теперь, он решительным шагом подошел к окну, взял пепельницу, постукал, чтобы она зазвенела, а потом ловко разбил ее о подоконник. После чего отбыл домой — и Чарльз, торопясь открыть ему дверь, наступил на другую пепельницу, которую мы безопасности ради поставили на пол. И только на пороге Тимоти нарушил обет молчания.

—А он ее того, — изрек он.

Продолжение потрясает меня и по сей день. На следующее утро Тимоти явился, безмолвно повис на нашей калитке, немножко покатался на ней, а когда обнаружил, что после его поведения за чаем я на него внимания обращать не желаю, стрельнул в Соломона, который рыл яму в саду. И промахнулся. Но это меня не тронуло. Вне себя от бешенства, забыв церковный журнал, я вылетела из дома, намереваясь задать ему трепку, какую ему еще никто не задавал. Но когда я подбежала к калитке, Тимоти все еще стоял там и смотрел на Соломона, парализованный удивлением.

—Он мне сказал, — объявил он, даже не вспомнив, что ему следовало улепетнуть, — что было, то было.

Когда мимо уха Соломона в роли неподвижной мишени просвистел камень, он испустил громкий негодующий рев. Заинтриговала Тимоти не его способность разговаривать — он уже полмесяца жил рядом с Мими и привык к говорливости сиамских кошек, — а его бас.

—Почему, — пожелал узнать Тимоти, — у него голос не такой, как у Мими?

—Да потому, что он мальчик, — сказала я.

—А откуда я знаю, что он мальчик, — спросил Тимоти с возрастающим любопытством.

Ответ пришлось искать молниеносно.

—По его голосу.

Если бы кто-нибудь объявил, что проблему Тимоти может решить кот, я бы ни за что не поверила. И уж, конечно, не Соломон, который вот уже четыре года сам был проблемой из проблем. И все-таки решил ее он. Тимоти, у которого дома не было никаких животных, видимо, презирал кошек, если они были девочками, как Мими, но мысль о том, что Соломон — мальчик, совсем его заворожила. Соломон со своей стороны милостиво простил Тимоти тот камешек и пришел к выводу, что он очень даже привлекателен.

С этой минуты под боком у нас возникло общество взаимного восхищения, которое ничто не могло поколебать.

В некоторых отношениях польза была очень большой. С тех пор как Соломон был котенком, для нас оставалось непреходящим кошмаром забрать его в дом загодя, когда мы собирались поехать в город. Экскурсии Шебы на клубничные грядки оказались преходящей фазой и в истинно сиамском духе полностью прекратились, едва клубника сошла и. владелец грядок перестал впадать из-за нее в ярость.

Соломон же — в любое время, но особенно если мы торопились на поезд — с завидным постоянством куда-то исчезал. Спал на лугу в теплую погоду, прятался у кого-нибудь в угольном сарае в сырую (или, что было равно возможно, сидел под дождем и наблюдал за чьими-либо утками), а в остальное время мог оказаться где угодно — в гостях у священника или же спешно удалялся в дальний конец долины.

В конце концов он являлся на мой зов, но срок этот варьировался от пяти минут, потребных, чтобы в последний раз понюхать маргаритку, до двух часов, в течение которых я металась по дорогам и тропам в своем городском костюме и резиновых сапогах, лихорадочно гадая, потеряла я свою работу или еще нет. И какое было чудо после появления на сцене Тимоти либо просто открыть дверь и узреть эту парочку, либо — если час был ранний и Тимоти еще не выходил — позвать мальчика и попросить его свистнуть в два пальца: Соломон тут же возникал точно Чеширский Кот в Стране Чудес, и на его морде было написано новейшее выражение: «Тигр — Друг Человека».

Это обходилось нам в большое количество шоколада. Тимоти, перевоспитался он или нет, был не из тех, кто оказывает услуги из любви. Порой, забыв церковный журнал, мы поддавались гадкому подозрению, что не Соломон исчезал, а Тимоти его находил, но Соломон отсиживался, где ему было указано, чтобы Тимоти мог потребовать награду.

Ну и еще небольшой минус. Тимоти теперь упорно ходил гулять с нами. Мы и кошки — это было достаточно скверно. Мы, кошки и мальчишка в ковбойской шляпе, который время от времени пронзительно свистел, после чего один крупный силпойнт с энтузиазмом бросался «к ноге», а одна маленькая блюпойнт тут же садилась и говорила, что

дальше не сделает ни шагу, — это было немножечко чересчур даже для нашей деревни.

Однако полного счастья ведь не бывает. Но Тимоти хоть убрал свою рогатку и начал интересоваться природой. И до того ей заинтересовался, что в конце концов Чарльз после особенно пикантного разговора о коровах прямо перед калиткой священника объявил, что больше никуда с нами не пойдет. Я больше подхожу для таких вопросов, сказал он, и они с Шебой, жалкие трусы, оставались дома и трудились над кухней. Вот почему в тот день, когда мы увидели кролика, Тимоти, Соломон и я гуляли в гордом одиночестве.

Для нас, натуралистов, это было волнующим событием. Со времени эпидемии миксоматоза я кроликов не видела, а Соломон их не видел никогда и на всякий случай сразу же очутился на дереве — а что, если это волк? Тимоти, который про них слышал, но живых никогда не видел тоже, тут же пожелал узнать о них все. Я прочла небольшую, но прекрасную лекцию о кроликах и их привычках, в заключение которой Тимоти объявил, что ему надо.

Посрамленная — видимо, он все пропустил мимо ушей, — но и радуясь, что мы хотя бы шли по лесу, а не посреди деревни, где он обычно испытывал эту потребность, я тактично повернулась к нему спиной. Наступила коротенькая пауза.

— Льется, — сказал Тимоти, что было совершенно лишним. — Прямо в кроличью нору, — возвестил он секунду спустя, а затем сообщил Соломону, очень громко и, очевидно, все-таки осваивая полученные от меня знания: — Кролики подумают, что дождик идет, — докончил он глубокомысленно.

Они великолепно гармонировали друг с другом. Сию секунду невыразимо трогательные — как в тот раз, когда Тимоти посмотрел круглыми глазами на крутой холм позади нас и сказал, что если они оттуда упадут,

то станут мертвыми, верно? И улетят на небо, и никогда не будут есть ничего вкусного, потому что будут одними костями. Я торопливо высморкалась, а жена священника тут же пошла и купила ему три коробки пистонов для его пистолета. А в следующую секунду абсолютно невыносимые — как в тот раз, когда я обнаружила, что Тимоти стоит на голове у нас на лестнице, а ногами в резиновых сапогах выписывает сложные узоры на стене, Соломон же гордо восседает рядом точно тренер. Так бы и отшлепала их обоих!

Все умилялись, видя их вместе. То есть все, кроме Шебы, которая, встречаясь с ними на дороге, подчеркнуто обходила их по широкой дуге и уверяла всех, что даже не знает, кто они такие, а когда возвращалась домой, мрачно предрекала, что скоро Соломон тоже возьмется за рогатку и оба они угодят за решетку. Все — даже старик Адамс — говорили, как замечательно это повлияло на Тимоти, а он добавлял, пусть его черт поберет, если он не подарит мальчишке котеночка, когда тот поедет домой. На что Шеба одобрительно пискнула и тут же предложила ему Сола.

Но как Соломон поведет себя, когда Тимоти вернется в город? Это нас очень тревожило. Говорят, что животные иногда удивительно привязываются к детям. Совсем недавно нам рассказали про сиама Огестеса, который в первом своем доме наводил на всех ужас. Орал, крал, дрался с кошками, терроризировал собак. В конце концов его пришлось отдать даром — лишь бы кто-нибудь его взял. Однако у его новых владельцев была маленькая дочка, и Огестес влюбился в нее так, что родители, когда ее положили в больницу для удаления миндалин, опасались не за нее, а за Огестеса, который лежал без движения на ее кроватке, говорил, что его сердце разбито, отказывался встать, отказывался есть и чуть было не умер. В конце концов ради него они при первой же возможности забрали

девочку из больницы, и выздоравливала она в своей постели, где вместе с Огестесом ела мороженое и аррорут, а потом они вместе покинули кроватку и, когда мы в последний раз о них слышали, жили очень счастливо.

Но у Соломона же все будет по-другому! Даже если старик Адамс снова пригласит Тимоти, он вернется не раньше весны. Как, как, терзались мы, наш Сол справится, когда мальчик уедет?

Выяснилось, что превосходно. В первое утро Соломон сел у калитки, ожидая его. И сидел так, пока не заметил, что я в оранжерее пытаюсь выпустить синицу, которая каким-то образом там очутилась. И Тимоти вылетел у него из головы, пока он с энтузиазмом помогал мне ловить синицу, и остался забыт, когда я насильственно водворила его в дом под бешеные вопли и когда он сидел на окне, яростно ревя, что ему не дают быть Птицеловом.

На следующее утро он вновь показался мне загрустившим — сидел на садовой стене, а рядом с ним безмолвно сидела Шеба — из сочувствия, решила я, поскольку и у нее должно же быть сердце. Я даже вышла утешить его. И совершенно напрасно. Они в полном упоении следили за поросятами, которые вышли на соседний луг. Соломон обернулся ко мне поздороваться. «Я ведь знаю большую-пребольшую свинью, которая живет на ферме, — сказал он вне себя от возбуждения, а глаза у него были круглыми, как бутылочные крышечки. — *Так вот*!!! Она только что родила котят!»

Глава двенадцатая
ВСЕ БОЛЬШЕ О ГОСТЯХ

Наши кошки не любили зиму. Шеба, чья шерсть была не очень густой, жаловалась, что зима холодная. И о наступлении холодов у нас в доме узнавали не потому, что лопались трубы и чернели георгины, а потому, что Шеба садилась то у того, то у другого электрокамина, ожидая, когда их включат. Соломон же, чья шерсть была как у бобра и кровообращение, видимо, работало с подогревом, наоборот, стенал, что его держат взаперти, а он так любит гулять!

Да, его держали под замком — фигурально выражаясь и всего лишь в сравнении с его летним бродяжничеством — по трем причинам. Во-первых, холодная сырая погода считается опасной для сиамских кошек, и — как сказал старик Адамс в тот день, когда увидел, что Соломон сидит на ограде и следит за поросятами, — если мы не побережемся, он задницу застудит. Во-вторых, стоило задней двери постоять открытой около часа (а восточный ветер, врываясь в нее, резал как ножом), и Чарльз предлагал позвать его, пока мы сами чего-нибудь не застудили. И, в-третьих, гулять, когда темнело, ему было опасно из-за лисиц и барсуков.

Именно третье особенно ему досаждало. Соломону хотелось гулять именно в темноте, когда в лесу лают лисицы, а барсуки похрюкивают, взбираясь по тропинке к поляне выше по склону, где затевали игры.

Каждый вечер после ужина он обходил дозором окна. Слышите? Его голова негодующе просовывалась между занавесок, так как с дуба доносилось меланхоличное уханье. Совы! Вот их люди выпускают

погулять. Слышите? — стенал он, когда во мраке раздавался лисий зов. Лисицы! Вот их никто под замком не держит! Слышите? — умолял он, когда треск веток сообщал, что животные с полосатыми мордами неуклюже пробираются сквозь кусты. Барсуки! Все ясно: мы просто не хотим, чтобы он увидел барсука! И его голос становился пронзительно обиженным. Он был абсолютно прав. Зная его склонность всюду совать свою лапу, мы, как сказал Чарльз, не хотели, чтобы у нас по дому бродил кот на деревянной ноге.

Эти его вспышки и вечные жалобы Шебы, что у нее Замерзают Уши (что было правдой: как у большинства блюпойнтов, на них почти не было шерсти, и даже в двух шагах от камина они на глазах обрастали сосульками), ясно показывали отношение наших кошек к зиме, которое разделяли и кошки священника: едва наступили заморозки, они негодующе вошли в дом, заявили, что в них течет сиамская кровь и именно теперь она дает о себе знать, после чего немедленно нырнули под пуховое одеяло.

Если на то пошло, то и священнику это время года было не по вкусу. Электроснабжение нашего конца деревни оставляло желать лучшего, и зимой перед священником вставала коварная дилемма: включить отопление церкви — и жители начнут жаловаться, что у них погас свет; не включить — и органист начнет жаловаться, что клавиши органа западают от сырости. Проходя мимо окна его кабинета, можно было видеть, как он с далеко не пастырским выражением на лице пишет гневную эпистолу в управление по электроэнергии.

А нам зима нравилась. Надежда, как заметили некоторые люди, узнав, что мы взяли Самсона, горела в наших сердцах вечным огнем, и особенно жарко она вспыхивала с наступлением зимы. После долгой летней горячки мы предвкушали отдых — столь же

безмятежный, как зимний сон Природы по поэтическому выражению Чарльза. Будем читать книги. Нежиться у камина. Приглашать в гости друзей.

Тот факт, что так никогда не случалось, что долгая летняя горячка сменялась еще более долгой зимней горячкой, мы хладнокровно игнорировали. Уж на этот раз, ежегодно твердили мы себе, все будет по-другому.

На этот раз сезон открыл Соломон в тот день, когда проглотил голову креветки. Празднуя начало сезона на свой тихий манер, мы пригласили на ужин друзей. Убедившись, что Соломон далеко — говоря точнее, он сидел на доске выше по склону холма, назначение которой было предупреждать, что тут начинается частная дорога, однако за время, пока он использовал ее как свою дозорную вышку, она так накренилась, что предупреждение уже никто прочесть не мог... Короче говоря, проверив это, я начала чистить креветки.

Ветер мне благоприятствовал, а Соломон, решила я, высматривает на горизонте Шебу. Вот тут-то я и допустила роковую ошибку. Высматривал Соломон как раз креветки. Я вышла ровно на две секунды — проверить, как накрыт стол, а когда вернулась в кухню, он пятился кругами, а в глотке у него прочно засела креветка. На чем безмятежный отдых в этот вечер и кончился.

Ужин задержался — наши гости приехали как раз вовремя, чтобы держать его, пока ветеринар извлекал голову, но едва этот маленький кризис завершился и чуть только мы расположились пить кофе, как Соломона стошнило. Не из-за креветки, но при воспоминании об упущенной возможности.

Когда у нас бывали гости, Соломона часто тошнило. И не потому, что ему нездоровилось. Просто в таких случаях он любил расположиться на бюро и следить за ними таинственным восточным взглядом. Некоторое время спустя, если не происходило ничего интересного

— никто ничего не ел, никто не выражал желания поиграть его мячиком для пинг-понга, он, заскучав, зевал. А зевал он, будучи Соломоном, естественно, с полной помпой. Глубокий, широкий, шумный зевок в квадратный фут, который неизбежно переходил границы его возможностей, — ну и вот. Его сташнивало. Обычно вниз на крышку бюро, и он зачарованно смотрел, как струйка сползает по выпуклости, и принимал нестерпимо обиженный вид, когда люди отворачивались.

Если его не тошнило, то нередко Шеба обкусывала для нас свои когти. Если мы были избавлены хотя бы от этого, Соломону непременно приспичивало воспользоваться своим ящиком. Невидимо, но, к несчастью, не неслышимо. Как бы громко мы ни говорили — а никакие фанфары с нами не потягались бы, когда мы замечали, что он исчезает в прихожей, — секунду спустя кто-нибудь да обязательно щурился на потолок и спрашивал, что это за странные звуки. И непременно кто-нибудь отвечал: «Ниагарский водопад».

Но не думайте, что только кошки бывали виноваты в том, что приключалось с нами, когда мы принимали гостей или бывали в гостях. Например, тот случай, когда Чарльз сломал кресло в чужом доме, — возложить ответственность за это на них возможным не представлялось. И винить наших хозяев тоже было нельзя. Они ведь в дружеской беседе просто упомянули, что купили это кресло неделю назад на дешевой распродаже за десять шиллингов — очень удачное приобретение, не так ли? И они были потрясены не меньше нас, когда сидевший в нем Чарльз ухватился за ручки и, испытывая его, уперся в спинку — прежде чем кто-нибудь успел рот раскрыть, раздался треск и сиденье провалилось.

Не были кошки виноваты и в том, что в тот вечер, когда те же люди навестили нас, Чарльз вздумал

предложить им джина с лимонным соком.

Их вполне устраивал джин с тоником, а мы уже несколько месяцев не притрагивались к лимонному соку — с того самого дня, когда я плеснула его на стол и полировка облезла, а Чарльз испугался за свой желудок. Почему он вдруг про него вспомнил, понять не могу, но вспомнил — и предложил гостям.

Как ни жаль, отправившись на кухню и обнаружив, что сок претерпел кое-какие изменения, он на этом не остановился, не объяснил просто, что сок у нас кончился, а притащил его в гостиную показать. «Сожалею, ребятки, но он чуть забродил, — сказал Чарльз, размахивая перед их изумленными глазами бутылкой, покрытой пылью и содержащей что-то вроде стайки давно скончавшихся рыбок. — Может, лучше обойдемся без него?»

Они не только обошлись, но, исподтишка поглядывая на остатки джина с тоником, а не плавает ли и там что-нибудь, вскоре вообще отправились домой.

Конечно, подобные вещи время от времени случаются со всеми. Наша соседка готовила для гостей крутоны с ветчиной, и у нее заклинило мясорубку. Она позвала мужа, а он справиться с мясорубкой не сумел и вышвырнул ее за дверь. Потому что, естественно, обозлился на нее, но объяснил, что, по его мнению, от удара о землю она могла заработать. Ну, а мясорубка угодила в заросли крапивы, и, чтобы добраться до нее, надо было всю крапиву выкосить, на что времени не было, и соседка прибежала занять нашу. С нами хоть когда-нибудь такое случается, спросила она со слезами в голосе. Я достала мясорубку, смахнула с нее паутину и заверила, что да, случается — почти каждый день.

Собственно, подобное с нами случалось и когда мы не приглашали гостей — то есть в том смысле, что они собирались навестить нас, а мы увертывались. Время от времени так поступают буквально все — может быть,

устав, может быть, сообразив, что по ошибке пригласили их не на тот день, а то и просто почувствовав, что подобное испытание выше их сил.

Вот так и произошло с Джонсами. Чарльз сам пригласил их провести у нас вечерок. Чарльз сам всякий раз, когда я испускала стон по этому поводу, говорил, что пригласить их когда-нибудь мы должны, а если сядем за карты или еще что-нибудь придумаем, будет не так уж и плохо. И сам Чарльз в день, когда они должны были приехать, вдруг представил себе за чаем, как старина Джон излучает добродушие и орет так, что стены трясутся, а миссис Джонс жеманится и предлагает перекинуться в вист, — сам Чарльз заявил, что не вынесет этого. Во всяком случае, не сегодня! Ну, он не в силах! Ну, пусть на будущей неделе, но только не сегодня! Может, я позвоню, скажу, что он умер?

Меня бросало в жар и в холод, пока я объясняла, чувствуя, как они мысленно ловят меня на лжи, что, по-моему, у него разыгрывается насморк. Предлог, которым до меня наверняка пользовались миллионы раз, но, спорю на что угодно, это был единственный раз, когда на том конце провода меня заверили, что их это не пугает — они никогда ничем не заражаются и даже забыли, что такое насморк, а старине Чарльзу надо подбодриться, и пусть мы не беспокоимся — они сейчас выезжают.

В хорошенькое положеньице мы попали! Чарльз заявил, что потерял свое доброе имя. А я подумала (ведь звонила и ссылалась на насморк я), что потеряла свое. Стрелка на часах ползла и ползла к половине восьмого. И тут на меня снизошло озарение. Крайне удачное для ситуации. Чарльзу просто нужно как следует нюхнуть табака!

И сработало отлично, хотя мне и пришлось проследить, чтобы нюхал он добросовестно. К тому времени, когда явились Джонсы, распахнули окна,

похлопали его по спине и сказали, что истосковались по хорошей партии в вист, он уже не тревожился за свое доброе имя. Его тревожила только мысль, не погубил ли он окончательно свой нос.

После этого зима текла достаточно спокойно. Насколько я помню, без заметных происшествий. Приезжали и уезжали друзья, играли в канасту, кошки сидели у них на коленях, мы беседовали о международном положении. Разве что тот вечер, когда кто-то отлучился в ванную и дергал, дергал, дергал... А в тот момент (к сожалению, акустика позволяла слышать дерганье в любом уголке коттеджа), когда мы имели обыкновение кричать в дверь, что надо не дергать, а потянуть посильнее и выждать, дверь гостиной отворилась и вошла наша гостья с совершенно пунцовым лицом, сжимая в руке цепочку. Оборвалась, объяснила она, И ничего удивительного в этом не было — спусковой механизм нашего бачка постоянно заедало, и много лет люди дергали цепочку, словно звоня в набатный колокол.

Очень долго не случалось ничего выдающегося — до того вечера, когда мы поехали повидать друга Чарльза Аллистера, и Аллистер заинтересовал Чарльза йогой, Аллистер постоянно заинтересовывает Чарльза в чем-то. Когда-то, когда Соломон и Шеба были еще котятами, он заинтересовал его стрельбой из лука, и они чуть не пришибли малышей. Как-то он предложил убрать большой камень за коттеджем с помощью динамита. К счастью для коттеджа, идея эта дальнейшего развития не получила. И вот теперь — к несчастью для меня — йога!

Сам Аллистер йогой не занимался, а просто прочел книгу о ней. Чертовски интересную книгу, сказал он, и пока я его слушала, мне самой захотелось ее прочесть. И я не удивилась, когда Чарльз сказал, что возьмет ее в библиотеке. Напугалась же я — по опыту зная, к чему

приводят внезапные увлечения Чарльза, — когда, несколько раз глубоко ее проштудировав, он объявил, что берется за йогу.

Я поговорила об этом с бабушкой, которая имеет на Чарльза большое влияние. Но она, внимательно послушав его с очками на кончике носа, только посоветовала ему продолжать. Крайне интересно, сказала она, во всем этом что-то есть. Чарльз, конечно, сумеет многое почерпнуть. Будь она помоложе, непременно занялась бы йогой.

Вот так. Чарльз с бабушкиного благословения предавался медитациям по всему коттеджу и практиковал глубокое дыхание. Кошки важно восседали рядышком, тоже предавались медитациям и объявили, что у себя в Сиаме только этим и занимались. С минуты на минуту я ожидала, что увижу эту троицу в тюрбанах. Но тут меня вновь осенила идея.

Подобно табачной, ее породило отчаяние. Мы навестили друзей, которые тогда жили среди вересковых пустошей, и остались переночевать из-за скверной погоды. Чарльз блаженно повествовал о йоге — как она возвышает духовно... поднимает над всем материальным... вот он даже холода не чувствует. Что было удивительно, так как погода стояла минусовая.

Но я холод чувствовала. Когда мы отправились спать — без грелок, так как засиделись, а Чарльз сказал, что ввиду нечувствительности к холоду нам грелки и не нужны, — я совсем погибала. Часов около двух я выбралась из-под одеяла и накрыла его ковриками с пола, но разницы не было никакой. Я все равно погибала.

Чарльз, который, пока я вставала за ковриками, успел завернуться в кокон из трех четвертей одеяла, вновь сообщил мне, что не ощущает холода. Примат духа над материей, заверил он меня, со вкусом

зарываясь носом в подушку. Мне тоже следует заняться йогой. Мне тоже следует прибегнуть к медитациям.

Я прибегла. Помедитировав, я ухватилась рукой за столбик кровати, старомодный, латунный, и выждала, пока рука не заледенела. А далее нежно ввинтилась в кокон в поисках Чарльза и с любовью прижала ладонь к его спине. Раздался громкий мучительный вопль... И Чарльз перестал интересоваться йогой.

Глава тринадцатая
ПАЯЛЬНИКОМ И ЛОМОМ

В ту зиму бабушка потеряла Лору, своего попугая. Бедняжка, по утверждению бабушки, не выдержала, когда в окно на нее посмотрел угольщик.

Все остальные называли причиной старость. Насколько помнили родные и близкие, Лора прожила у бабушки тридцать лет и попала к ней, уже переменив нескольких хозяев. Бабушка купила ее в пивной, исходя из убеждения, что попугаи в питейных заведениях (или, сказала она, приобретенные у матроса, если повезет) обязательно умеют разговаривать. И оставила ее у себя, даже когда выяснилось, что она — принципиальная молчальница, исключая сумасшедших воплей в часы еды. Бабушка объяснила, что грех держать птиц в злачных местах и вернуть ее ей не позволяет совесть.

И вот, после кое-какого финансового урегулирования (бабушка, как она сама сказала бывшему владельцу, совсем не дура), Лора счастливо прожила у нее тридцать лет.

А потом несколько месяцев чахла, теряла перья, начала хрипло покашливать. Когда мы напоминали бабушке об этих последних месяцах, о том, как тетя Луиза начала подливать виски ей в воду и привязывать грелку к клетке, а Лора все слабела и слабела, бабушка отвечала — вздор! Лора всегда страдала бронхитом зимой, заявляла бабушка. Ну, а виски Луиза в ее воду всегда подливала (в ее, а не в свою, уточняли мы в присутствии посторонних ради сохранения репутации тети Луизы), и нечего нам спорить! Она же собственными глазами видела в окне толстую черную

физиономию угольщика, бедняжка Лора перепугалась и вот — умерла.

Умереть она, бесспорно, умерла, и сделать мы ничего не могли — только договорились с другим угольщиком и предложили подыскать ей другого попугая. После чего (общение с бабушкой иногда требовало много сил) Чарльз и я свалились с гриппом.

Вначале, пока болел Чарльз, было еще терпимо. Хотя, по злосчастному стечению обстоятельств, в первый день его болезни мне пришлось поехать в город. Кошки, которые, когда я их оставила, радостно восседали у него на груди, наслаждаясь высокой температурой (в первый раз за всю зиму она Согрелась, сообщила Шеба), теперь огорченно ждали меня на окне прихожей. Чарльз их не покормил, пожаловался Соломон, негодующе взирая на меня сквозь стекло. Чарльз стонет, сообщила Шеба, и они спустились вниз, потому что терпеть такое невозможно.

Чарльз Их Не Выпустил, орал Соломон, считавший, что человек даже с двухсторонней пневмонией остается дома исключительно для того, чтобы весь день то выпускать их, то впускать обратно. Да и Чарльз тоже не был солнечным лучиком в доме. Когда я поднялась к нему, он сказал только (видимо, чтобы следователю легче было установить причину его смерти), что в три часа измерил температуру — тридцать восемь и девять!

Чарльз пролежал так три дня, героически кончаясь. По большей части согнув ноги в коленях, так как Шеба решила, что самое теплое местечко в доме — на кровати в уютной пещерке под коленями Чарльза, если он окажет ей любезность и согнет их. Слабым голосом он требовал еще пищи — не из-за того, что успел проголодаться, но просто к тому времени, когда он набирался достаточно сил, чтобы взяться за супчик или вареную камбалу, Соломон, не разделявший сентиментальные взгляды на братьев наших меньших,

успевал все подчистить. А когда я спрашивала, как он себя чувствует, отвечал, что очень слабым, очень-очень слабым.

Однако настоящее веселье началось в понедельник, когда Чарльз пошел на поправку, а я слегла. То есть мне весело не было. У меня тоже был жар, и моему бедному затуманенному гриппом сознанию мерещилось, что вокруг разыгрывается символическая пьеса, из тех, в которых персонажи все время входят и выходят.

Вначале кошки. Они вошли с округлившимися от удивления глазами: что это я затеяла и когда встану? Лежу в кровати вместо Чарльза, сказала Шеба с упреком, а ведь знаю же, как она любит спать у него под коленями. Затем Чарльз — узнать, не вскипятить ли ему чай? Затем снова кошки. Чарльз, видимо, решил, что шансов на то, что чаем займусь я, нет никаких, и он, доложили они, без толку возится на кухне, а им завтрака еще не дал. Затем внизу гневно взвыл Соломон, ринулся, громко ворча себе под нос, к ящику с землей в свободной комнате, а затем эффектно возник в дверях и доложил (даже когда я лежала в постели, мирок Соломона находился на моей ответственности), что Чарльз не сменил землю! Чарльз не выпускает его наружу, и, если я немедленно не приму меры, он за дальнейшее не ручается.

Тут я собралась с силами и воплем оповестила Чарльза что и как. Кошки были выпущены. Я получила свою чашку чая. Чарльз, раскрасневшись от такого успеха, объявил, что теперь займется приготовлением завтрака, и воцарились мир и тишина — если не считать монотонного поскрипывания и *БАМ!* двери гостиной всякий раз, когда он проходил через нее. А зачем ему нужно было проходить через нее раз пятьдесят каждую минуту, я не понимала.

Это продолжалось минут пять, а затем Чарльз снизу крикнул, что почтовый фургон еще не подъезжал, и не забрать ли ему Соломона в дом — после чего я могла развлекаться, слушая, как Чарльз в саду зовет Соломона. Вскоре затем послышался звук подноса, поставленного на столик в прихожей. Ага, завтрак! При этой мысли я ощутила лютый голод. Но нет! На этом этапе Чарльз вернулся в сад звать Соломона.

Потребовалось двадцать минут, чтобы Соломон был обретен, а поднос водворился на мою постель. После этого оказалось, что поджаренный хлеб совсем ледяной. Странно, заметил Чарльз, он положил его на тарелку совсем горячим. Чай был тоже холодным. Даже холоднее хлеба. Я начала расспрашивать Чарльза и выяснила, что он налил его мне тогда же, когда и себе, час назад. Ради одной чашки не стоило заваривать его еще раз.

Опущу дальнейшие подробности этого утра и продолжу с прихода священника, который заглянул узнать, не может ли он купить для нас что-нибудь в городе. Да, ответила я с благодарностью через посредничество Чарльза, кролика для кошек. Чарльз снова поднимается спросить, большого кролика или не очень; Чарльз поднимается через десять минут спросить, не сплю ли я и как насчет кофе. А в промежутках торжественно, как хор в греческих трагедиях, входят кошки осведомиться, все ли я еще валяюсь в постели — им не понравилось то, чем их кормил на завтрак Чарльз, и Чарльз опять их не выпускает.

Тут подошло время обеда. Но Чарльзу не понадобилось спрашивать меня как и что. Прежде чем у него отвалились ноги, я встала и сама занялась обедом.

Дальнейшее, естественно, было неизбежно: после таких трудов у Чарльза произошел рецидив. К вечеру он уже лежал в постели, а я, пошатываясь, носила ему

чашки с чаем. И к вечеру же (отрицать этого нельзя — Сидни сказал, что его и в саду слышно) у Чарльза начался кашель. И тут уж, как сказала Шеба, вновь устроившаяся в своей уютной пещерке под коленями Чарльза, пока Соломон упорно восседал у него на груди и при каждом пароксизме его швыряло из стороны в сторону, как матроса на палубе парусника в бурю, — тут уж не нужно было спрашивать, кто в доме самый больной. Естественно, Чарльз.

Со временем он, конечно, выздоровел. К концу недели, когда грипп бушевал уже по всей деревне, а наши кошки сидели на ограде и радостно оповещали прохожих, что мы были первые, первые, Чарльз (если не считать кашля) был вполне бодр и полон энергии. Вот почему в ожидании полного выздоровления нас дернуло заняться прадедушкиными часами.

Возможно, вы помните эти напольные часы. Те, что в прихожей — еще Шеба забиралась наверх, а Соломон то и дело открывал дверцу и наблюдал, как они тикают. Потом мы подобрали к ним ключ, и на время воцарился мир. Шеба даже перестала посиживать на них: неинтересно, сказала она, если старый Брюхан не копошится внизу.

Потом в один прекрасный день ключ сломался в замке, и мы вернулись на круги своя: Шеба красуется на часах, Соломон свешивается в дверцу и зачарованно следит за маятником. Он теперь прибавил в росте, а может, стал сильнее. И однажды, вернувшись вечером домой, открыли дверь в прихожую, к нам навстречу вышел небрежной походкой один Соломон. У меня просто сердце остановилось. Шебы нигде не видно, дверца часов распахнута, и — меня сразу оглушила тишина — они не тикают…

Я не решалась заглянуть в них, настолько была уверена, что Шеба лежит там, расплющенная гирей: то ли Соломон из любознательности столкнул ее, то ли

она, как часто проделывала, когда никто не смотрел, сама с любопытством посмотрела туда и не удержалась на краю.

Но как оказалось, Шеба спала у нас на кровати. Примерзла к одеялу, объяснила она, когда несколько минут спустя я обнаружила ее там и с облегчением прижала к груди. Вот почему она не спустилась, и от меня будет гораздо больше толку, если я принесу ей грелку. А часы остановил Соломон. Хотите покажу как, возбужденно предложил он, едва я толкнула маятник. Став на худые задние ноги, он открыл дверцу, протянул длинную темную лапу и ткнул маятник. До чего же он умный, сказал он.

После этой легкой паники мы вновь начали завязывать дверцу веревкой, когда уходили. И к лучшему. Как-то вечером, вернувшись, мы увидели, что часы опять стоят. И на этот раз, открыв дверцу, обнаружили, что одна из гирь таки сорвалась. Кетгут лопнул, и она лежала на дне футляра.

И вот, выздоравливая после гриппа, мы решили, что это самое подходящее время подвесить ее. Неторопливо, раздумчиво, располагая, как сказал Чарльз, достаточным временем, чтобы оценить то, как работали старинные мастера.

С напольными часами старинные мастера, как мы обнаружили, взявшись за наши, работали так: подвешивали гири на кетгут, концы завязывали узлами внутри полых шестерней, а затем закрепляли циферблат перед ними так прочно, что нам не удавалось его снять.

Мы пустили в ход все подручные инструменты, кроме лома, но ничего не получалось. Мы уже дошли до того, что были готовы попрыгать на циферблате, но тут старик Адамс зашел нас проведать и сообщил, что новый кетгут вдевают не так. Для этого не снимают стрелки, не разбрасывают по полу маятник, гири и

части футляра, а просто вытаскивают, если нужно, проволочкой, но циферблата ни в коем случае не снимая, вот через эти махонькие дырочки...

В конце концов мы своего добились. Что до этого Чарльз наговорил про старинных мастеров и эти махонькие дырочки, наверняка обожгло им уши и на расстоянии в сто двадцать лет... но мы своего добились! Мы даже вновь более или менее собрали часы, и они даже пошли. Но до нынешнего дня нам не удалось водворить на место секундную стрелку. Она погнулась, когда мы ее снимали, и как мы ни выпрямляли ее молотком, она упрямо цеплялась за другие стрелки, и часы останавливались.

Несколько дней мы просто с ума сходили, потому что, какие бы меры мы ни принимали, часы упорно били на полчаса раньше — например, пять раз в половине пятого или двенадцать раз в половине двенадцатого ночи, что даже для такого быта, как наш, было чуточку чересчур.

В конце концов мы разобрались, в чем заключалась причина. Минутную стрелку мы установили вверх ногами. Открытие этого до того нас восхитило, что мы забыли все злоключения, которые перенесли, подвешивая одну простую гирю на простой кусок кетгута, и повсюду хвастали, какие мы часовых дел мастера. Вот почему недели две спустя, когда бабушка отломила стрелку своего будильника, она попросила нас, знатоков, починить стрелку.

То, что мы проделывали с нашими часами, как на днях заметил Чарльз, не шло ни в какое сравнение с тем, что мы натворили с бабушкиным будильником. Нечаянно, разумеется. Начать с того, что у него отсутствовало стекло, которого он лишился в то утро, когда зазвонил, по мнению бабушки, слишком рано и она смахнула его на пол. А стрелка сломалась в другой раз, когда она сунула будильник под одеяло, чтобы

заглушить трезвон, и стрелка зацепилась за подушку. Требовалось, как заверил Чарльз бабушку, только чуть-чуть дотронутся до нее паяльником — и дело с концом.

Беда была лишь в том, что мы плохо умели пользоваться паяльником.

По меньшей мере четыре раза мы припаивали стрелку (Чарльз каждый раз восклицал: «Удалось!») и тут же выясняли, что припаяна она ко второй стрелке и движутся они вместе. А когда наконец мы все-таки припаяли ее на место, оказалось, что благодаря нашим усилиям средняя часть циферблата, которую обегают стрелки, сильно опалена паяльником.

Мы покрасили (вернее, Чарльз покрасил в качестве семейного художника) этот круг алюминиевой краской. В результате остальная часть циферблата обрела замызганный вид, и он выкрасил ее зеленой краской. И тут же обнаружил, что, увлекшись, закрасил цифры, а потому едва зеленая краска высохла, как он нанес новые цифры красной краской. Но, вырисовывая двенадцать, нечаянно задел кисточкой минутную стрелку, которая, припаянная чуть-чуть, тут же опять отвалилась. А когда мы ее снова припаяли, круг алюминиевой краски вновь подпалился, и краска в довершение всего потрескалась.

Чарльз был готов начать все сначала, но у меня внутри тоже что-то треснуло, и мы вернули будильник бабушке опаленным. Стрелка, во всяком случае, припаяна, сказала я прежде, чем она успела открыть рот.

Впрочем, бабушка была слишком ошеломлена и, глядя неверящим взором на хамелеонообразный циферблат, смогла только подтвердить: да, припаяна.

Глава четырнадцатая
В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ

На исходе марта в долину пришла весна. Чтобы определить это, потребовался бы специалист. Чарльз все еще кашлял. Сидни все еще кутал шею в шарф. Старик Адамс все еще каждое утро вышагивал мимо коттеджа в вязаном шлеме, который заметно увеличивал его глухоту, но зато — как однажды он объяснил священнику у вершины холма (а мы услышали) — защищал от мороза его ушные дырки.

Но кошки знали, что она пришла. Еще неделю назад на земле лежал снег, и отыскивать их по утрам было проще простого. Аккуратная линия следочков, ведущая от задней двери к ближайшей парниковой раме — их оставила Шеба. Уши прижаты, шерсть вздыблена, точно шуба мехом наружу, задняя лапа скребет среди всходов горошка — и назад в дом.

След, петляющий среди снежных просторов, точно оставленный путешественником, заблудившимся в Антарктиде — остановка для обследования куста, крюк, чтобы заглянуть в оранжерею, зигзаги на дорожке, завершенные замерзшей лужей, — этот след оставил Соломон. Сам он с интересом сидел на льду и слушал, как лед потрескивает.

А когда мы забирали их в дом, начиналась обычная демонстрация протеста из-за птичьей кормушки. Снаружи корольки и синицы радостно клевали в снегу, а внутри Соломон и Шеба распевали воинственные песни на подоконнике. А однажды мы стали свидетелями происшествия — одного из тех, сказал Чарльз, которые иногда ниспосылаются любителям природы вроде нас.

Как-то утром кошки в самый разгар пронзительных объяснений по адресу птичек, какая судьба их ждет, попадись они к ним в лапы (и никаких шкурок от грудинки, добавил Соломон, испепеляя взглядом дрозда, своего давнего врага), внезапно умолкли. Мы поспешили выяснить, что еще стряслось, поскольку в доме с сиамскими кошками тишина всегда чревата бедами, и действительно, Шеба пряталась за занавеской, от Соломона виднелись только уши, торчавшие над подоконником наподобие двух перископов, а за окном сороки устроили грабеж.

Взад и вперед они летали между кормушкой и лесом, большие черно-белые крылья мелькали так стремительно, что казалось, будто — как сказал из-под подоконника Соломон тихим, совсем не соломоновским голоском — их там сотни и сотни, и очень хорошо, что мы укрыты в доме. Самое интересное, что их на самом деле было всего две. Работавших, по словам Чарльза, а он в этих вещах разбирается, в Точном и Быстром Ритме. Одна отгоняла остальных птиц и бросала куски у калитки, а другая (конечно, девочка, заявила Шеба из-за занавески, потому что всю работу всегда делают девочки, а этот у кормушки просто лентяй вроде Соломона) — другая деловито уносила их в лес.

Но теперь внезапно наступила весна: Шеба сидит на крыше коттеджа и отказывается слезать (оттуда ей видны все мышиные норки на много миль вокруг, а воздух там чудесный!), Соломон гоняется за рыжим котом, а на пасхальные каникулы приезжает Тимоти.

Впрочем, и дальше наш путь отнюдь не был усыпан одними розами. В тот же вечер, разыскивая двух кошечек, которые теперь желали гулять и в Начале и в Конце Дня мы увидели, как рыжий кот гоняется за Соломоном, а Тимоти (видимо, чтобы согревать свои ушные дырки) разгуливает в мотоциклетном шлеме.

Шлем, заметил Чарльз, не слишком украшал интерьер коттеджа, да и самого Тимоти, но он наотрез отказался снять свой головной убор. И, возобновив знакомство с Соломоном и с нами, Тимоти практически перестал заглядывать к себе домой. Шеба на ограде усердно ставила прохожих в известность, что Он Не Наш, а Соломон восторженно следовал за ним по пятам, превратившись в космического кота. А Тимоти осуществлял на лужайке приземления с Марса... Ну, просто душа радовалась, до того малыш к нам прилепился, верно? Старик Адамс по дороге в «Розу и Корону» осиял благодушной улыбкой кавардак на лужайке. Его-то душе почему бы и не радоваться!

Ему-то люди не говорили, что у его мальчика вот-вот брюки упадут. Ему-то люди не говорили, что его мальчик называл их очень грубыми словами на дороге или подначивал кошку с длинной темной мордой разгуливать по капоту их машины. Ему-то люди не говорили, что шлем очень вреден для ушей его мальчика — а мальчик очень реалистично изображал рвотные спазмы и показывал язык. Все считали, что это наш мальчик.

Еще можно было бы терпеть, если бы он ценил наше отношение. Куда там! Он ходил за Чарльзом и со жгучим презрением сообщал, что ему в жисть не вырастить такой капусты, как у дедушки. Мне он тоном знатока объяснил, что мои грабли никуда не годятся. Сломаются, если малыш Чарли не вобьет в них пару гвоздиков, сказал он. А когда чуть позже грабли и правда соскочили с палки и я попыталась небрежно пройти мимо, спрятав их в ведре, отвратил ли Тимоти свой взгляд как истый джентльмен, проигнорировал ли он этот факт? Еще чего! Говорено же тебе было, верно? Вот что он сказал.

Единственным его достоинством был интерес к природе, но и это приводило к осложнениям. Они не

замедлили возникнуть, когда я научила его различать птиц, а Чарльз рассказал, как они вьют гнездо, и беспечно упомянул, что мальчиком собрал коллекцию яиц. Тимоти тут же захотел обзавестись коллекцией.

Тщетно я его отговаривала. Он твердил (и вид у Чарльза был достойно виноватым), что у малыша Чарли она же была! Жребий был брошен, и мне удалось только поставить строжайшие условия — гнезд не портить; птичек не вспугивать, брать не больше одного яичка и лишь если их в гнезде уже три. И вообще, твердо объявила я, все это разрешается, только если он хочет стать Натуралистом.

Хочет, хочет, заверил он нас. Как выяснилось, на деловой основе: когда я в следующий раз спросила про коллекцию, он ответил, что у него уже есть шесть яичек овсянки. По одному из каждого гнезда, заверил он меня, когда я схватилась за голову и застонала. Так ведь их тут очень много, и если он выменяет одно на лишнее яйцо куропатки, которое найдется у кого-то, ему же тогда не надо будет лезть в гнездо к куропатке, верно?

К тому же, надеялась я, скрепя сердце благословив его план, это помешает Тимоти свалиться в пруд, о чем Чарльз, предаваясь ностальгическим воспоминаниям о своем детстве, не подумал.

И пришпориваемый книгой о птицах, которую он вынудил старика Адамса купить ему, Тимоти принялся заимствовать нашу приставную лестницу, чтобы добраться до гнезд, которые обнаруживал возле дороги или в лесу. А это означало, что Чарльз или я (разумеется, в сопровождении Соломона и — на укоризненном расстоянии — Шебы) должны были идти с ним держать лестницу и следить, чтобы он не сломал себе шею.

Само по себе это было еще не так скверно, поскольку происходило возле того конца деревни, где

нас все равно уже давно считали свихнутыми. Но однажды Тимоти явился вне себя от возбуждения — он нашел гнездо дубоноса! Возле церкви, сказал он. На довольно высоком боярышнике, из чего следовало, что понадобится лестница. А ветки колючие, так можно он возьмет секатор?

В эту экспедицию мы отправились все. Втянули и меня — боярышник — вещь рискованная, — чтобы я держала лестницу. Я приняла это не особенно близко к сердцу, хотя мне и стало чуточку не по себе, когда мы добрались до церкви и выяснилось, что Тимоти несколько уклонился от истины. Оно, объяснил он, не совсем здесь, а немножко дальше по дороге.

Я угадала, что меня ожидает, — и не ошиблась. По дороге движется процессия. Я делаю вид, будто всегда гуляю, держа задний конец приставной лестницы. Тимоти в мотоциклетном шлеме. Кошки упоенно вышагивают в арьергарде. Люди, указала я, уже на нас поглядывают, что оставило Чарльза абсолютно равнодушным. Он, вновь переживая золотые дни юности, тоже к этому времени стал Натуралистом.

— Не обращай внимания, — посоветовал он.

Вот так мы добрались до дерева, и сбылись мои худшие страхи: оно не росло в укромном уголке рощицы, а нависало прямо над дорогой. И я стояла, держа лестницу, пока Чарльз подстригал ветки, Тимоти сбоку давал руководящие указания, а кошки красовались на верхней перекладине.

А тем временем мимо прошла решительно вся деревня. Доктор — громко хохоча, старушки — поднимая брови, Сидни — постукивая себя по лбу. Мне нетрудно было вообразить, что о нас говорят сейчас в деревне, но Чарльза это не трогало. То есть пока он не спустился на землю (в гнезде ничего не оказалось, и было оно опять-таки гнездом овсянки) и не выслушал Тимоти, который только сейчас вспомнил, что вчера

священник провел беседу о разорении гнезд. Так не лучше ли нам вернуться через луга, пока никто ничего не заметил, намекнул он.

А весна, несмотря на этот инцидент, все наступала и наступала. Под стрехами вили гнезда скворцы, и Соломон, пытаясь влезть по стене и посмотреть, что там и как, сорвался и повредил ногу. Я наготовила вина из одуванчиков, оно привлекло всех муравьев в округе, и они принялись напиваться допьяна в оранжерее. У кошек священника началась весенняя экзема, и они смущенно расхаживали, щеголяя фиолетовыми ушами — наши насмерть перепугались, увидя их. Они подумали, что это боевая раскраска древних британцев, объяснили они.

Мы начали совершать прогулки после ужина — по деревне в теплых весенних сумерках, — кошки Очень Дружески здоровались с людьми, которых не видели всю зиму, а люди пугливо оглядывались. На несколько дней мы уехали к морю, чтобы поднабраться сил к лету, и в том, что ручка корзины Соломона отвалилась, когда мы отвозили его в Холстон, также сказалось время года: жуки-точильщики на весенних маневрах в крышке — единственной части корзины, не слишком пострадавшей от Соломона.

И наконец — именно то, что могло бесповоротно убедить нас в наступлении весны, — вернулся Тарзан, черепаха.

В один прекрасный день он появился столь же магически, как прежде исчез, — прибрел по дорожке, поощряемый парой взволнованных лап. Он вроде бы исхудал, сообщил Соломон, который при виде нас припал к земле и озабоченно заглянул под панцирь. Может, угостить его кроликом? Нашла его в гараже, сказала Шеба Чарльзу, сияя гордостью. Под кучей соломы, которую она много дней держала под наблюдением, она ужасно умная, правда?

Бесспорно. Как и Чарльз, попозже сообразивший нарисовать на спине Тарзана подобие мишени под цвет коттеджа. Белое — это стены, напевал он, украшая бурый панцирь аккуратным белым кругом. Голубое — двери, добавил он, нанося голубой кружок в центре белого круга под восхищенными взглядами Тимоти и кошек. «Теперь, — объявил он, — мы уже никогда не потеряем Тарзана. Сразу обнаружим, куда бы он ни уполз. Даже если он выберется за ограду и пустится странствовать по деревне, все будут знать, что он принадлежит нам».

Вот так, незатейливо, мы вступили в новую фазу нашей весенней саги. Посетители долины все равно в те дни ахали, натыкаясь в верхнем ее конце на Харди и Уиллис во всем великолепии фиолетовых усов. Один такой посетитель как-то повернул за угол и наткнулся на Тимоти в мотоциклетном шлеме, на бело-голубую черепаху, на Соломона, который обеспокоенно заглядывал под панцирь, так как Тарзан остановился перевести дух, на Шебу, которая шла несколько позади и вопила, что все они ужасно глупые и Им Лучше Сейчас Же Вернуться Домой... Бедняга даже подпрыгнул от неожиданности и совсем побелел.

«Это, — сказал сопровождавший его наш сосед, — те, которые „Кошки в доме“. Гость утер вспотевший лоб. „В сумасшедшем доме, не иначе“, — сказал он слабым голосом.

Глава пятнадцатая

КОШКИ В МАЕ

В долине сейчас царит май. Птицы поют, цветет сирень; Соломон и Шеба линяют, и (судя по муравьям в теплице) наше вино из одуванчиков не оставляет желать ничего лучшего.

Тимоти по-прежнему с нами. Фред Ферри так ничего и не взыскал со старика Адамса. В последнюю минуту они, наоборот, сплотились в вопросе о праве прохода

через какой-то застраивающийся участок. Фред Ферри говорит, что ясно помнит, как проходил там, когда ухаживал за своей будущей женой... Старик Адамс говорит, что тоже ясно помнит, да и вяз там как рос, так и растет... Их сентиментальный тон наводит меня на подозрения, что они все это сочиняют, тем более что в случае, если они преуспеют в своих притязаниях, — это приведет, по утверждению старика Адамса, к результату, уникальному даже для здешних мест — к пешеходной тропе, проходящей прямехонько через жилой дом. Ну, а поскольку нет ничего лучше хорошей драки, чтобы привести его в радужное настроение, он договорился, что оставит Тимоти у себя на все лето.

«Мальчишке это очень на пользу пойдет, — объяснил он, сообщая нам радостную новость, — малый ведь много хлопот нам не причиняет?»

Сейчас мы отдыхаем после суматохи на лужайке. Чарльз как раз вернулся с луга, где два часа искал скаутский ножик Тимоти, который они, то есть Тимоти и Соломон, потеряли, пока были натуралистами. Подбрасывали его вверх, рыдал Тимоти, а тут пролетела галка, они на нее засмотрелись, а ножик пропал.

Я, благодаря рвению Тимоти стать натуралистом, оказалась теперь мамочкой ласточки. Птенчика, которому всего несколько дней, — Тимоти нашел его как-то вечером на дороге у стены амбара и притащил мне, чтобы я помогла птичке. Я сослалась на то, что не знаю, чем его кормить, но без толку.

— Мух ловите на лету, — рекомендовал Тимоти важно, ни секунды не задумываясь над тем, какое получилось бы зрелище, последуй мы его совету, — Чарльз, я и кошки ловим мух на лужайке!

Однако птенчик прекрасно себя чувствует, питаясь накрошенным вареным яйцом и сухарными крошками. Кормить его, естественно, надо каждый час, и днем я

вынуждена брать его с собой в город. Но какое дело до этого Тимоти? Или моим сослуживцам, которые, весело вспоминая Блондена, с удовольствием наблюдают, как он ест, цепляясь за мое платье на груди, заглядывая мне в рот и с апломбом разевая клюв, чтобы получить порцию яйца со спички. Дома он живет в ванной. Вот почему Шеба сейчас сидит на подоконнике окна ванной и жалостно упрашивает нас открыть его. Ей пить хочется, говорит она и вопит так отчаянно, что уже жена священника заглянула спросить, не Больна ли она. Ей так пить хочется, что она совсем не может говорить, а мы же знаем, знаем, что она любит пить из умывальника.

Но, как заявляет Тимоти, мы же хотим, чтобы ласточка выросла, верно? И улетела бы, если верить его книге о птицах, в Африку, когда настанет осень. И вернулась бы в будущем году свить гнездо под нашими стрехами вместо скворцов? И навсегда превратилась бы в обузу, уныло думаю я. Будет швырять своих птенчиков вниз, чтобы я их растила. И уж конечно, все они заобожают вареные яйца.

Сказать это вслух я, разумеется, не решаюсь. Мы все теперь такие завзятые натуралисты. Соломон, когда я оставила сегодня утром на кухне курицу, совсем готовую для духовки, а он, молниеносно поглядев через плечо, уволок ее во двор, был оскорблен в лучших чувствах, едва я намекнула, что он ее украл. Она в обморок упала, заверил он меня скорбно. И он вынес ее подышать Свежим Воздухом.

А сейчас Соломон лежит в шезлонге и в ожидании ужина бьет пролетающих комаров, хотя, боюсь, не ради птенчика. Нам пора кончить эту писанину, говорит он... И возможно, он прав. Кто, если им рассказать, будет и дальше верить нашим историям? Тому, например, как мы, по настоянию Тимоти, подыскивали подругу для Тарзана... и тому, что из этого вышло. В любом случае

Соломон устал, а вы знаете, кто на самом-то деле написал эту книгу? Не я, если судить по выражению на его морде. А крупный кот силпойнт.